

Ефим Златкин

*Неизвестность
по имени Жизнь*

Тель-Авив, 2018

В библиотеку репатрианта

Дизайн обложки
Вадим Соколовский

Компьютерная верстка
Анна Шпац

Израиль, 2018 – 164 с. + 1 цветная вклейка.

ISBN 978-965-561-158-8

© Ефим Златкин, 2018

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

© Издательство Beit Nelly Media, 2018.

*Посвящаю эту книгу моей любимой жене
и верному другу – **Ане Златкиной**,
прошедшей вместе со мной все тяготы новой жизни
в Израиле, поддерживающей и вдохновляющей меня
на всех ее этапах.*

Советский Союз никогда не был для нас родным отцом. В лучшем случае, отчимом. Давал на ограниченное пропитание, скудную жизнь, небрежно подчеркивая, что мы для него – не родные дети. Особенно это ощущалось вдали от столицы. На самой восточной границе Белоруссии и России среди зеленых дубрав тихо и размеренно жил белорусский город Климовичи. Возле самой дороги, в окружении вишневого сада, светился яркими окнами новый дом. В августе 1988 года сюда вихрем ворвался ночной гость. И сразу же началась неизвестность по имени Жизнь, которая больше напоминает приключенческий роман...

Взгляд через годы

Книга «Неизвестность по имени Жизнь» возвращает читателей в стремительное время на рубеже двух веков, когда ломались стереотипы, рушились границы и полностью менялось представление о жизни. В ней автор рассказывает о том, как его соплеменникам было непросто открыть глаза, увидеть окружающий мир. И, осознав, что он чуждый, разрывать с ним пути, освобождаться от старого мира и, наконец, обретать еврейское самосознание.

Чуждый вначале мир был и в новой стране, куда они летели, как на крыльях. Земля Обетованная по имени Израиль была красива в проспектах. А в жизни?

В жизни она стала такой только тогда, когда каждый из приехавших, как говорят, съел не один пуд соли и прошел огонь и воду.

Так и Ефим, пройдя через многие жизненные испытания, вернулся к своей профессии журналиста. Вначале родилась первая книга «От Михалина до Иерусалима», потом – вторая «Молитва о Михалине», а сейчас – и третья «Неизвестность по имени Жизнь».

Читатели, живущие на территории постсоветского пространства, узнают в ней много нового о жизни в Израиле, а наши соотечественники – вспомнят о себе, начиная с девяностых годов двадцатого века.

Книга написана в излюбленном для автора жанре семейной хроники, с мягким юмором, душевной грустью и завершает трилогию на еврейскую тему.

*Алла Серебринская,
директор издательства «Beit Nelly Media»*

Вначале были вот эти постоянные навязчивые картинкi-воспоминания, которые складываясь в длинный пазл, начинались в моем детстве.

Сама книга была осмыслена намного позже.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»

На стене класса большой портрет человека с усами.

Наша школьная уборщица тетя Марфа боится к нему подходить.

В овчинном колушке и лаптях, она осторожно приближается к портрету, сдувает со стекла пыль ртом, но руками не прикасается.

– Да ну его, – Марфа семенит от портрета подальше, – Варвара, что до меня здесь работала, нечаянно сдвинула в сторону, он и упал. Господи!

Сжимает голову руками, – что было?! Милиция понаехала, скрутили, схватили и посадили бедную...

Марфа попятилась, осеняя себя крестом и шепча что-то вроде: уймись, уймись, нечистая сила, – и медленно вышла из класса.

После грозного Сталина народ расслабился, даже частушки запели:

*Вышла б замуж за Хрущева,
Да боялась одного:
Говорят, что вместо х....
Кукуруза у него.*

И тут же в круг вылетала вторая частушечница и пела еще хлеще:

*Девки косят кукурузу,
Сиськи шлепают по пузу...*

За ней – третья. И дальше – одна другой задиристее и смелее.

Они выдавали такое, что от смеха все село выходило к калиткам: что же такое молодежь там устраивает?

Не уступая друг другу, пели и о милом, и о кукурузе, и о Хруще так в народе называли Никиту Сергеевича Хрущева, который заменил Сталина на посту руководителя страны.

Но вскоре, кругленький, как колобок Хрущев, перестал мелькать на экранах телевизоров в окружении своих соратников, закованных в панцирные мундиры. Поля без «королевы полей», так называли кукурузу, снова стали серыми и блеклыми.

– «Съели» главного кукурузовода, – смеется мой отец Давид, – как кукурузный початок.

– Как съели?

– Чему с малых лет я тебя учу? Имей много карманов! Знай, с кем и о чем говорить.

– И про кукурузный початок?

– И про кукурузный початок тоже...

Говорун Брежнев с молодецкой шевелюрой выигрывал на фоне лысого Хруща. Во время Брежнева, в «эпоху застоя» страна пила и плясала.

Все так уверовали в несменяемость и бессмертие дорогого Генсека, что когда он все-таки умер – это стало шоком для многих.

– Папа, теперь будет война? – спросила дочь-третеклассница.

– Почему война?

– Кто же вместо него будет беречь мир?

Так вдолбили в детские головы мысль о незаменимости лидера, что они с малых лет повторяли слова взрослых.

Потом пошла смутная череда вождей, которые запомнились тем, что умирали один за другим.

Трибун Михаил Горбачев, как луч света, рассек окружающую тьму. И все увидели насколько руководители страны, на которых молился народ, были безобразны не столько стариковской внешностью, но и закостенелым мышлением. А потом жизнь завертелась, как в ускоренном кино. Рухнула стена чинопочитания и преклонения, мир открылся, и сотни тысяч людей помчались из страны.

Москву не узнать...

Если в начале правления Горбачева Москва была розовая от призывных лозунгов перестройки, то в конце 1990 года – черной и злой. Громадные очереди возле посольств и обменных пунктов, где выдавали всего по 150 долларов на человека. Повсеместно вспыхивали костры – единственное спасение для замерзавших в зимних очередях. Но из двухнедельных очередей за выездными визами и билетами никто не уходил.

Аэропорт Шереметьево-2 переполнен. Люди везде. Они сидят, лежат, ходят. Горы чемоданов, сумок, баулов, горы разных курток. Дети, старики, женщины, мужчины. Через тысячелетия советский исход повторяет египетский исход. Только на этот раз на выход вместе с евреями ринулись греки, армяне, немцы и даже русские. У них было одно желание: покинуть страну, которой они были не нужны.

В Израиле хорошо пенсионерам и... пионерам! А тем, кто вышел из пионерского возраста и не дошел до пенсионерского, как им жить?

В 1990 году в страну приехало более 200.000 человек, и многие с завистью смотрели на тех, кто устроился убирать... мусор.

Мои материалы в редакциях русскоязычных газет публиковали охотно, но за первые публикации не платили ни копейки. Ничего другого делать я не умел. И все равно вспоминаю то время, как самое интересное и волнующее.

Все было в новинку: и горячий воздух, и обилие разноцветных евреев, и их гортанная речь, и призывные крики на рынке: «Э-э-э, Гор-ба-чев! Иди сю-да!». Так торговцы звали олим «ми-Русия» – выходцев из бывшего Советского Союза. В кожаных куртках, свитерах и джинсах, они ходили по улицам, как братья-близнецы.

Все устраивались в новую жизнь по-разному. Музыканты с гитарами сутками играли на улицах и площадях, учителя английского языка давали частные уроки за смехотворную сумму, филологи искали работу в клубах. Легче всех было рабочему люду, который как-то устраивался по специальности. Всем остальным было намного труднее.

Под иракские ракеты и взрывы автобусов в Тель-Авиве, Иерусалиме и Хайфе мы знакомились с новой страной.

Общая опасность быстро сняла пелену с наших глаз, уравнивала со старожилками. Как все, мы жили надеждой на лучшее, хотя раньше это «лучшее» себе даже и не представляли! Жили, как деды и отцы, растворяясь в серых буднях и кумачовых праздниках огромной страны за «железным занавесом...»

ВТОРАЯ ГЛАВА

ПРОБУЖДЕНИЕ

*Август 1988 года.
Михалин, Белоруссия*

Самая громадная империя двадцатого века доживает последние годы. Но над огромной страной по-прежнему звучит Гимн Советского Союза.

Длинные очереди стоят в Мавзолей Ленина, от Москвы до окраин гремят здравницы в честь родной партии. Страна пыхтит себе помаленьку, даже не замечает маленький ручеек эмиграции, который вот-вот превратится в бурную реку. Тихой провинциальной жизнью живет маленький белорусский городок на границе с Россией. На самой его окраине в окружении вишневого сада стоит небольшой домик, из окон которого льется на улицу ровный свет.

– Сегодня – 9-ое ава! Вы разве не знаете, что в этот день в 586 году до н. э. вначале разрушили Первый Храм, а потом в 70-м году уже н.э. и Второй Храм? Поэтому евреи постыятся и скорбят. – Ночной гость, как только переступил порог дома, не выдержал, увидев ужин на столе. – Понятно, вы же советские люди?

Могилевский студент Михаил Левин, наш троюродный брат, которого мы считали своим родным младшим братом, с конца 1980-х изучал иврит, интересовался жизнью в Израиле, тайно встречался с его посланцами. Понимая его осуждающий взгляд, отец только развел руками:

– Мишенька, мы еще не вышли из Египта!

– Мне кажется, дядя Давид, вы давно уже вышли! Ни у кого я не видел столько еврейских журналов и газет, как у вас.

– Они же пропитаны советским духом! Про исход ни-ни! Только общая информация да и та, что мы должны молиться на Советский Союз и Коммунистическую партию. Я бы завтра променял всё на Израиль. Думал, из Грузии будет легче уехать, отправил туда двоих сыновей. А ты ведь не зря прискакал в день 9-го ава?

– Не зря, дядя Давид, не зря! Готовьтесь в дорогу. Горбачев вот-вот откроет ворота в Израиль. Мои друзья мне уже сообщили об этом.

Давид недоверчиво смотрит на племянника:

– Мне кажется, что отсюда до Луны добраться легче, чем до Израиля.

– Перестройка! Генсек хочет наладить отношения с Западом. И ему выдвинули встречное предложение: «Соблюдай права человека, отпусти евреев».

– Всех?

– Всех! Идет разговор о массовом выезде.

– Ну и новость! Не могу в нее поверить.

На небе щербатым ртом смеялась луна. Она тоже не могла в это поверить.

Декабрь 1988 года. Климовичи, Белоруссия

– Вам извещение на посылку, – грузная почтальонша Надя полезла в желтую сумку.

Отец даже присвистнул:

– Это же надо! Посылка из Израиля...

– Откуда? - удивилась мама.

– Из Из-ра-ил-я! – отец поднял вверх извещение, пританцовывая.

Но мать его быстро охладила:

– Тебе терять нечего! Скажешь, инвалид войны, контуженный на голову, – смеется она, – что с тобой сделают?

Ни-че-го! А вот сына и невестку выкинут с работы, как пить дать, да еще и квартиру отберут, найдут предлог. Где они будут жить? На что? Мы должны отказаться от посылки, – решительно закончила мама.

– Получай посылку, – убеждал меня отец. – Уволят из редакции – пойдешь в сторожа. Быстрее уедешь!

– Скажи мне, кто уехал из нашего города?

– Ты будешь первым...

Начальник районного отделения связи поднял на меня глаза:

– Та-ак, в посылке два кожаных пальто, три банки кофе, шоколад и прочие заморские прелести. Значит, отказываешься?

– Да...

По его мимике читаю: ну и дурак...

Через несколько дней, щеголяя с женой в новых кожаных пальто, он ехидно улыбался. А отец никак не мог успокоиться:

– Для чего нам прислали посылку? Чтобы красовались в заграничных нарядах? Нет. Чтобы у нас были деньги на жизнь от продажи этих вещей в случае увольнения. Но видно до Израиля, сын мой, ты еще не дорос.

Я и сам понимал, что не дорос, когда через неделю получил вызов для выезда из СССР. Какой-то незнакомый от правитель приглашал нас жить в город Беэр-Шеву. Я даже не мог подумать об этом. Бросить все? Любимую работу в журналистике, участие в творческих конкурсах? Вызвать на себя шквал негодования и возмущения сослуживцев, соседей, знакомых?

Я понимал отца, он всегда был душой с Израилем, но я не мог сразу так быстро перерезать пуповину с нашей жизнью в СССР. Она меня цепко держала в своих путях, приучила довольствоваться минимальными потребностями. Рядом со мной было множество людей, условия жизни которых были несравненно хуже.

– Счастливые, – смеется по телефону Миша, – вы даже не представляете, как живете.

– Нормально! У меня в квартире появилась горячая вода. Я поставил газовую колонку.

– Горячая вода есть у каждого человека в нормальной стране, а у тебя у одного на весь многоквартирный дом. Действительно большая радость, – недоумевал мой брат.

***Январь 1989 года.
Минск, Белоруссия***

– Я уезжаю далеко, – многозначительно проговорил по телефону Миша, – приезжай в Минск, хочу успеть познакомиться тебя со своими друзьями.

На железнодорожном вокзале встречает меня со словами:

– Через день буду в Вене. Уезжаю из Союза навсегда!

– Ты же здесь хорошо устроен? Живешь в центре столицы, рядом гастроном, прекрасная квартира, – удивляюсь я.

– Ты не видел прекрасных квартир. Видимо, не замечаешь, что тебя окружает?

– Люди идут, автобусы ходят, дома стоят. Что еще?

– А ты посмотри, какие колдобины на дорогах, какие серые одинаковые дома, какие обозленные люди. Здесь еще терпимо, а в провинции?

– Но так было и есть всегда.

– Давай-ка, я тебя сведу кое с кем. Может, поумнеешь?..

Маленькая невзрачная синагога по улице Кропоткина в Минске, внутри она светится невидимым духовным светом. В комнате взрослые и дети: одни молятся, другие изучают Тору, иврит.

Возле железной печки сидит человек в старой одежде и с запущенной бородой. Я в костюме и белой рубашке, при галстуке, с жалостью смотрю на него.

– Откуда? – вдруг спрашивает истопник.

– Из райцентра, журналист городской газеты, – невольно хвастаюсь перед ним.

И вдруг бородач говорит:

– Как же мне жаль вас! Ведь на периферии вы полностью оторваны от еврейской жизни!

Хочу ответить, что многие москвичи, ленинградцы, минчане тоже далеки от нее...

– Доктор наук, пять лет в отказе, – шепчет мне Миша и обращается к худощавому юноше:

– Юра, это мой брат, оставляю его на тебя.

– Сейчас закончу урок иврита, а потом поговорим, – улыбается Юра.

В тот вечер я ночевал у него дома. На маленькой кухоньке мы вместе поужинали, выпили за знакомство. В нашем разговоре приняли участие родители Юрия Дорна. Чувствуется, они знают, чем занимается их сын и понимают, как это опасно, но это – их общий выбор...

– Это тебе, – утром Юра протянул мне увесистый пакет. – Не рекламируй, могут быть неприятности.

Вот тогда я впервые увидел самиздатовские журналы о еврейском движении в Советском Союзе. Я даже и не подозревал, что евреи Москвы, Риги, Киева, Вильнюса, Ленинграда в условиях конспирации так активны и столько делают.

Власти десятилетиями глумились над еврейским народом, лишали его языка и традиций. Изучение иврита приравнивалось к антисоветской деятельности, сотни активистов посадили в тюрьмы.

С приходом Михаила Горбачева людям хотели дать поток свежего воздуха, но не рассчитали, и он ворвался мощным потоком в приоткрытую форточку.

Евреи уже один раз поверили лозунгам во время революции в 1917 году. Второй раз в эпоху Горбачева на те же

грабли наступать не хотелось. Большинство выжидало, хотя понимало, что в этой стране для них нет будущего. Но и к переезду в Израиль тоже не были готовы. Для этого, как и мне, нужно было созреть.

В поезде по дороге домой просматриваю украдкой журналы и книги об Израиле, потрепанный томик Леона Юриса «Экзодус». Дома дочитываю, как евреи на корабле прорывались из Европы в Палестину, как провозгласили свое государство и боролись во время войны за его Независимость. Отец стоит рядом, не может дождаться, пока дочитаю. Я заканчиваю главу, книгу передаю ему. Он заканчивает, я продолжаю.

– Сынок, читай вслух, так будет быстрее, – предлагает Батя.

Только когда в окне забрезжил серый рассвет, мы прекратили чтение. Спать уходили, все еще обсуждая прочитанное.

– Тебе не кажется, что Израиль стал нам ближе? – спросил отец.

– И ты туда же? – строго смотрит на меня мама. Что вам неймется? Живем, как в раю: большой сад, огород, а воздух какой?

Но отец не может не съязвить:

– Воздух-то радиационный...

***Март 1989 года,
Минск, Белоруссия***

– Мы впервые проводим в Минске «Пуримшпиль». Приезжай, тебе будет интересно, – пригласил по телефону Юра.

Дорога занимает восемь часов в одну сторону и восемь в другую, но еду.

В синагоге праздничное настроение, раздают сладости. Детвора хохочет, вкушая «уши Амана».

– С разрушения Первого Храма начались гонения и преследования евреев. И во все века находились свои Аمانы. Посмотрите на этого маленького еврея, он был в числе тех, кто победил Амана по имени Гитлер. Изя, расскажи о себе, – выходит Юрий в центр комнаты.

– Да что говорить! Бог помог вырваться из гетто.

– Сколько, Изя, у тебя орденов Славы?

– Два!

– Сколько было тебе лет, когда получил их?

– Пятнадцать!

– Друзья мои! Знаете ли вы, что орден Солдатской Славы приравнялся к Звезде Героя Советского Союза? Этот старый еврей – дважды Герой! Изя, что ты нам скажешь?

Изя обводит глазами всех собравшихся в синагоге.

– После Гитлера-Амана, был Аман по имени Сталин. Он решил выселить всех евреев в Сибирь. На станциях уже стояли приготовленные вагоны. Но злодей умер в холодную мартовскую ночь. И евреи вновь были спасены.

– Дядя Изя, больше Аманов уже нет? – подходит к нему рыженький мальчонка в кипе.

– Скажи мне, клейнер ингеле¹, ты в этой кипе ходишь по Минску? – спросил старик, поглаживая его по голове.

– Что вы, дядя Изя, перед выходом из синагоги, я ее всегда снимаю.

– Почему?

– Мне мама сказала не ходить в кипе по улице.

Изя обводит глазами крохотное помещение синагоги:

– Я верю, что придет день, когда вы не будете бояться ходить в кипах, а еврейские праздники будете отмечать в красивых синагогах, а пока все едем на «Пуримшпиль».

Я никогда раньше не видел столько еврейских детей, юношей и девушек, как в тот раз.

---

¹ Маленький мальчик (идиш).

За окном шел снег, а в большом актовом зале танцевали, веселились, шутили.

– Евреи, шире круг, шире! – гремел голос ведущего.

Никого не обижает слово «евреи». Наоборот, оно сближает всех собравшихся в этом зале. Еще час тому назад, идя по улице и услышав его, они бы втянули головы в плечи. Живя веками в галуте, мои соплеменники из поколения в поколение передавали привычку быть настороже. И вдруг я увидел их раскрепощенными, свободными. В это даже не мог поверить!

Юрий подошел, обнял за плечи, его глаза светились:

– Что скажешь?

– Я вижу пробуждение!

Медленно тянется трамвай, перестукивая монотонно колесами по рельсам. За замерзшими окнами спит мой любимый город. Раньше меня с ним связывали университет и однокурсники по факультету журналистики, коллеги из республиканских газет, друзья, соседи, а теперь – синагога, Юрий, старый Изя, рыжий мальчонка в кипе, незнакомые ребята, почувствовавшие, как и я, зов родной крови.

– Все, чем жил, перечеркнуть? Все начинать сначала?

– В Израиле нет даже места для всех. Он такой малюсенький. Там очень жарко. Мало воды. И много арабов? – множество вопросов роилось в моей бедной голове.

Чтобы как-то отвлечься, спрашиваю у Юрия:

– Как же вы под носом у КГБ собрали на праздник триста евреев?

– В народе говорят: «Мчится по России тройка: Миша, Рая, перестройка...». Пока тройка скачет, властям не до евреев. Перестали следить за теми, кто заходит в синагогу, на многое смотрят через пальцы.

– Думаю, в прежние времена за посещение синагоги и сумки с книгами об Израиле, которые я вожу туда-сюда, и меня бы по головке не погладили?

– Пришли бы тебе сионистскую деятельность и отправили в лагерь, – смеется Юрий, – скажи спасибо Горбачеву.

Времена другие, а колбасы, самой обыкновенной, как не было свободно в продаже, так и нет...

**Апрель 1989 года.
Хоральная синагога на улице Архипова.
Москва**

Везде группы людей. О чем-то спорят, говорят. Не у многих чемоданное настроение, но послушать бывалых людей хотят все. Вижу, как окружили юношу с бородкой. Слышу незнакомые слова: репатриация, алия, машканта...

– Ты был в Израиле? – дотрагиваюсь до локтя этого паренька.

– Да был?

– И как там?

– Хочешь, чтоб я рассказал обо всем тремя словами?

– Расскажи!

– Везде одни евреи!

Много молодежи и людей среднего возраста. Рядом со мной несколько человек с рюкзаками.

– С вокзала?

– На вокзал! Евреи Узбекистана отправили нас в Москву все посмотреть и выяснить.

– Есть узбекские евреи? – не верит мужчина в белой рубашке.

– Чему вы удивляетесь? В Израиле живут евреи из Европы и Африки, Индии, Китая – из всех стран! Вы думали, что все евреи – только белые? Есть и черные, и желтые! – рассказывает приехавший из Израиля.

Я только полчаса потолкался возле московской синагоги, а сколько всего узнал!

– Если даже в далекой Бухаре уже проснулись, то мне сам Бог велел, – думал про себя.

Отошел от синагоги всего метров на сто и – как будто не было жестикулирующей публики с многочисленными вопросами, которые все-таки сводились к одному: ехать или не ехать?

Вернулся в родные Климовичи, а там – тишина.

***Май 1989 года.
Климовичи, Белоруссия***

С экрана телевизора и с газетных страниц летели сообщения о перестройке, о новых веяниях в стране. Но на местах никто пока не чувствовал этих новых веяний.

Отец по-прежнему ждет не дожидается своего скудного инвалидного пайка, а у других и этого нет. Каждые две недели в наш магазин приходят с сумочками инвалиды войны или их родные. Строго по списку им отпускают килограмм вареной колбасы, какое-то мясо, крупу, консервы. Так как отец живет далеко, то я получаю паек и приношу ему домой. Нередко кто-то из друзей-фронтовиков отказывался от пайка, и я мог его получать.

Пишу об этом, а мои внуки Йонатан и Бениамин, родившиеся в Израиле, не понимают:

- Какой паек? Что, не было другого магазина?
- Магазин был, но в магазине мало было продуктов.
- Даже гречки не было? – спрашивает внучка Лея, большая любительница гречки.
- Даже гречки.

Они так ничего и не поняли, тогда я им рассказал одну историю, которая мне вспомнилась.

Один мой знакомый попросил у директора магазина килограмм гречки для своей маленькой дочери. Не завязав мешочек с крупой, положил его в сумку. Вдруг к нему бросились люди: где дают гречку? Только тогда он заметил, как стружкой сыплется гречка из мешочка. От стыда перед людьми, стал краснее помидора.

Не понимают мои внуки, за что ему было стыдиться? Он ведь не ганав²?

– Такая была жизнь, что стыдились, – объясняю им.

В детских глазах полное недоумение: пустые полки магазинов, сетки-авоськи, гречка...

***Июнь 1989 года.
Климовичи, Белоруссия***

В третьем подъезде нашего дома умер сорокалетний мужчина.

– Рак у него, рак...

– Господи! Смерть косит одного за другим. Радиация.

– Какая радиация? В городе все в норме. А за 30 километров датчики зашкаливают, некоторые деревни выселили.

– Говорят и пишут, что у нас все чисто, – шепчутся между собой соседи.

Мне вспомнилось, как чуть более трех лет тому назад, в мае 1986 года народ пошел на демонстрацию. Моя жена и дочь, мои соседи, знакомые шли по городу с красными знаменами и кричали «Слава партии родной...», а вечером у многих из носа пошла кровь.

С 26 апреля 1986 года Чернобыльская авария начала отсчет смертей. По заданию редакции я выезжал в радиационные зоны и сразу же чувствовал, как десятки иголок вонзаются в мои виски.

– Преступники! Бандиты и лгуны, – горячо говорил знакомый директор совхоза, которого обвинили в паникерстве и малодушии, и даже исключили из партии за то, что решил уехать из радиационной зоны.

– Я сказал, что не буду жертвовать здоровьем семьи. Меня долго убеждали, мол, какой я подаю пример, и другие могут ему последовать. Я был непреклонен.

---

² Вор.

Он уехал, а большинство обманутых осталось. Часть сел выселили, но всех не переселишь. Так и оставались жить недалеко от чернобыльского очага.

Послышалась траурная музыка и громкие причитания: на улицу вынесли гроб с покойником.

– Люди мрут, как мухи. Вокруг невидимая смерть. Ты можешь отсюда уехать, почему медлишь? – спрашиваю сам у себя.

Мое критическое отношение к действительности не могло ускорить процесс самосознания. Но власть имущие способствовали этому.

– Честное партийное слово, у вас здесь нет никакой радиации, – заверяют высокие партийные бонзы, а сами пьют воду из привезенных бутылок и едят еду, только привезенную с собой.

Вижу то, чего не замечал раньше. «Верхушка» живет в сильном отрыве от народа. Более того, лжет. Если ей нипочем здоровье коренной нации, то тем более она не будет беспокоиться об обладателях «пятого» пункта.

Одолевают вопросы, на которые не могу найти ответа. Довлеет ощущение пустоты: больше живу ожиданием неясного будущего, чем настоящим. Так проходят недели за неделями. А в субботу горожан гонят на заготовку кормов. Как в известном кинофильме: вокруг тишина, только косы блестят в лучах утреннего солнца. Всех проверяют по списку: кто не вышел, кандидаты на увольнение. Велено убирать болотные травы, зараженные радиацией. Вытаскиваем их на ровное место, мол, отсюда заберут позже. Заехал сюда случайно через две недели – лежат эти полусгнившие кучи, зря старались... Невыносимо от удушающей атмосферы этой жизни. Я себе не подвластен, как и мои сослуживцы, соседи, знакомые. Спасает одно: вторая жизнь – кассеты с записями об Израиле и уроки иврита.

В один из вечеров раздается звонок из Минска:

– Ефим, приглашаем тебя встретиться с нами шабат!

Поезд, ты можешь ехать быстрее? Мне так хочется побыстрее оказаться на месте!

В просторной комнате – Юрий Дорн и несколько его друзей. Сидим за столом с белой скатертью. Как это трогательно, в сорок с лишним лет увидеть свет субботних свечей, услышать слова еврейской молитвы!

Ни слова не понимаю на иврите, но почему они так глубоко проникают в мое сердце? Мелодия молитвы, ее волшебство, древние книги – это новый для меня мир? Нет, это целая наука! И более интересная, чем догмы марксизма-ленинизма.

– У тебя появится много вопросов. На них найдешь ответы в Торе. – Юрий протянул небольшую книгу коричневого цвета.

Отец только потирал руки, видя, что я меняюсь на глазах. Все привезенные мной книги, он читал и перечитывал. В сотый раз просматривал цветные фотографии Хайфы, Иерусалима, Тель-Авива. Вместе удивляемся красоте Израиля, не верим своим глазам.

– Как можно, постоянно воюя, построить в песках такое чудо? – спрашивал у отца.

– Никакого чуда нет! Через тысячелетия евреи вернулись домой. Еще до нашей эры в Иерусалиме стоял Первый еврейский Храм, который разрушили вавилоняне. Построили Второй, его уже уничтожили римляне.

– Мы такой древний народ?

– Древнее многих! В школе изучают историю Египта, Греции, Ассирии, но в учебниках нет ни строчки об иудейских царствах и царях. Гитлер не смог физически уничтожить евреев. Советы стремились, чтобы мы забыли свою историю, исчезли, ассимилировались среди других. Такие разговоры мы вели до полуночи: отец, оказывается, многое знает.

Я везде был в меньшинстве: в школе, ракетной батарее, университете, редакции. Неужели на земле есть страна, в которой большинство евреи? Я туда уже хочу!

– Не передумаешь? Не повернешь назад? Однажды ты уже струсил, когда отказался от вызова, – пылливо смотрит в глаза отец.

***Июль 1989 года.
Сухуми, Абхазия***

Над сухумским пирсом кружились крикливые чайки. Где-то за горами Беларусь, зато Турция совсем рядом – на другом берегу Черного моря. Белый корабль, разрезая волны, отходит от пристани. Григорий проследил за ним взглядом:

– А ведь Израиль недалеко от Турции?

В последнее время братья все чаще заговаривали об отъезде. Большинство грузинских евреев уехало. Стали собираться в дорогу и оставшиеся. Общая атмосфера повлияла на Сергея, жившего в Сухуми, и на Григория, обосновавшегося в Тбилиси. Как они там оказались?

Отдыхая в Гаграх, наш отец Давид познакомился с местными евреями.

– В Израиль хочешь через Грузию? А что дашь взамен?

– Денег и золота у меня нет. Есть неженатые сыновья.

– Дорогой, да твои малчики дороже золота. Направляй их к нам.

Прошло десять лет жизни в Грузии, и «малчики» подняли тост за Иерусалим. Пили грузинское вино на берегу Черного моря, вспоминали родной дом в Беларуси и мысленно уже улетали в Израиль...

**Август 1989 года.
Михалин, Белоруссия**

Отец молодцевато смотрит на сыновей:

– Сынки, в дорогу?

– Дай спокойно жить детям, – махнула на него рукой мама.

– Маленькие людишки! Дальше своего носа ничего не видите, – возмущенный и непонятый, он отошел в сторону.

– Батя, иди сюда! Ты прав! Евреи Грузии уже на чемоданах, – сообщил сын Григорий.

Его жена, тбилисчанка Элла, быстро подтвердила:

– Да-да! Скоро и мы уедем.

Генриетта, жена брата Якова с укором смотрит на нее:

– Советский Союз дал нам образование, хорошую работу, нормальную жизнь.

– Какие мы счастливые, что даже не знаем, что такое нормальная жизнь, – ответил кто-то.

Назавтра вышли из дому все пятеро сыновей, пятеро невесток, родители и десять внуков. Провожали Гришу с семьей на автобус. Впервые шли в таком количестве и в таком составе – все вместе.

– Нам даже улицы мало, – засмеялся Илька, сын Лени.

Городок маленький: все хорошо знаем друг друга. Одни с нами здороваются, другие опускают глаза, мол, не заметили.

– Одного-двух евреев выдерживают, а сразу столько не привыкли видеть, – сделал вывод Батя.

Тысячи раз мы ходили по этим улицам. Когда шли вдвоем или втроем, растворяясь среди других, не вызывали никаких отрицательных эмоций. А когда впервые вышли все вместе, вдруг почувствовали некоторую неприязнь и какое-то отчуждение

Над старым парком взлетела стайка птиц, в небе засветились золотые купола церкви. Когда-то в Климовичах – в духовном центре иудаизма – было четыре синагоги в крупных местечках – еврейские колхозы. После войны – ни

синагог, ни колхозов, ни евреев. Только считанные семьи в городе. И вот сейчас, словно впервые, я увидел свой город. Мы здесь жили?! Нет, выживали. Готовились к чему-то другому? Видимо, да. Неужели пришло это время?!

**Октябрь 1989 года.
Минск, Белоруссия**

– К нам впервые приезжают израильтяне, хочешь с ними встретиться? – снова позвонил Юрий.

– Женя, поедешь со мной? – интересуюсь у дочери. Она мгновенно соглашается.

Большой зал минского отеля переполнен. На сцене – сотрудники Сохнута через переводчиков рассказывают о жизни в стране, отвечают на вопросы.

– Вы говорите, что в Израиле работы всем хватит? Здесь я парикмахер, а что там буду делать?

– Если приедут все собравшиеся здесь, работы у вас будет навалом, – смеется ведущий.

– А я врач, смогу работать по специальности?

– Пройдете переподготовку и будете лечить.

– Я журналист, смогу устроиться, – задал свой вопрос я.

– У нас есть русскоязычные газеты, но мало. Не устройтесь, найдете себя в другой отрасли.

Все шутят, и страх куда-то уходит, появляется надежда на будущее.

– Папа, когда мы будем подавать документы на выезд в Израиль? – спросила Женя.

Два дня мы жили в Минске у родных. Они на нас смотрели, как на людей, потерявших головы:

– Такой глупости мы от вас не ожидали. Вас же поселят рядом с арабами, за колючей проволокой. Будете жить в бараках. Себя, непутевых, не жалеете, о дочери подумайте! Девочку сразу же заберут в армию.

– Да вы сами еще к нам приедете!
И точно. Через несколько лет они все вместе прилетели в Израиль.

**Ноябрь 1989 года.
Климовичи, Белоруссия**

Вечер. Я, жена и дочь дома. Закрываем двери, включаем магнитофон. Льется незнакомая речь. Я не могу ее понять. Как буду разговаривать и читать на иврите? Самая настоящая китайская грамота – одни иероглифы... И вдруг стук в дверь. На пороге соседка Тоня с пятого этажа. На ее плече полотенце, в руках – стопка журналов. Мы совсем забыли, что сегодня она придет к нам мыться...

Тоня – друг семьи и библиотекарь. Через ее руки проходят все новые издания. Между нами установлен в шутку бартерный обмен: наша ванная³ – ее книги и журналы. Тоня в ванную, а я за книги. Это же такое богатство:

«Дети Арбата», «Тяжелый песок»...

Пробегаю глазами несколько страниц.

– Ну и время было! Как они пережили? – обращаюсь к отцу, пришедшему в гости.

– Кто-то должен написать и про наше время. Оно не менее трагичное. Как навалились всем съездом на академика Лихачева? В Верховном Совете не хотят никаких социальных и экономических изменений. Горбачев мечется. Будущее страны непредсказуемо.

– А евреи?

– Мы всегда были крайними. Лучше бы нам отсюда уехать, чтобы строить свою страну. Ты знаешь историю? Вначале скрывали активное участие евреев в революции. Теперь нас обличают, как главных революционеров. Кто мы здесь? Чужие во все времена?

³ Горячая вода в доме была не у всех.

Вот сейчас пишу и вижу, как Тоня, попрощавшись, ушла к себе на пятый этаж, а мы – опять к магнитофону. Льется незнакомая речь: «Ани роце лагур ле яд ха-ям»⁴.

– Что говорят? Нет ни одного слова, похожего на идиш, – говорит Батя.

– Говорят, что хотят жить на море, – переводит ему Женя.

– Как будет, я тоже хочу... – спрашивает у нее.

– Гам ани роце лагур ле яд ха-ям.

– Гам-гам, а как дальше?

– А-а, – машет он рукой, – там на каждом шагу будет или идиш, или русский.

***Декабрь 1989 года,
Михалин, Белоруссия***

Бывшее еврейское местечко Михалин в снегу. Заледенели окна в доме. Дед Мороз нарисовал на них замысловатые узоры. В коридоре в ведрах замерзла вода. До будущего лета еще так далеко. Но в доме уже живут его ожиданием, ожиданием встреч – приедут, как всегда, сыновья, внуки. И вдруг зазвонил телефон.

– Мама, мама! – гремит басом Гриша, – через неделю мы улетаем в Израиль!

Бледнея, мама опускается на диван:

– Сы-нок, что же ты надумал?

Отец победоносно поднимает кулак вверх:

– Не зря я тебя отправил в Грузию!

***Январь 1990 года.
Шереметьево, Москва***

Здесь яблоку упасть негде. Среди выезжающих в основном евреи и армяне, реже попадаются люди со славянскими лицами.

---

⁴ Я хочу жить на берегу моря.

– Евреи, понятно, летят в Израиль, а вы куда? – спрашивает мужчина со звездой Давида на груди.

– Кацо? Вы живете по всему миру, летите в одну страну, а мы живем в одной стране, но разлетаемся по всему миру, – отвечает сосед.

– Что ты, друг! Я просто так спросил. Вас турки вырезали, нас немцы сжигали. У наших народов трагические судьбы.

– Теперь я понимаю, почему армян называют кавказскими евреями. Не любят как нас, так и вас, – подключается к разговору еще один сосед.

А мы провожаем своих первых посланцев. Гриша с Эллой держатся, но видно, что волнуются – это не дорога из Тбилиси в Москву. Из одного мира – в другой! Не привыкшие к русской зиме, надели шубейки их дочери Мира и Софа. Совсем еще маленькие, утыкаются в мою щеку холодными носами. Когда еще встретимся? Может, никогда?

В наших глазах слезы, в душе – горечь расставания. Пройдя контроль, Гриша в шапке-аблавушке, поднял одну дочь, потом вторую и исчез за поворотом. Словно, его поглотила бездна. Неужели больше не увидимся? Да, мы тоже решили уехать, но только в Грузии к евреям относились всегда по-братски. А у нас даже трудно представить реакцию властей, когда придется подавать документы на выезд.

Это в Шереметьево полно людей, а Белоруссия, занесенная снегом, закована в такую броню, что не пробьешь.

В квартире нашего двоюродного брата Левы, приютившего нас всех, поднимаем рюмки за счастливый полет Гриши и его семьи. Он сделал свой выбор, а нам еще предстоит его сделать...

Почти через тридцать лет я приехал в тот же московский дом, откуда мы улетали в Израиль: почти ничего не изменилось. Все то же: и окно, и дворик, и такие же цветы на подоконнике. Вместе с сыном Сергеем, Лева и Люда остались в столице.

- Теперь-то куда уж уезжать...
- Зато вы стали свидетелями крушения Союза и рождения новой России.
- И пенсионерами с маленькой пенсией и болезнями.

Март 1990 года.
Климовичи, Белоруссия

- Пришло письмо от Гриши.
- Читаем: *«Купили холодильник, он в два раза больше твоего «Саратова», мама, и стиральную машину, которая сама белье стирает и сушит».*
- Я за своим «Саратовом» пять лет в очереди стоял. Если бы я не был инвалидом войны, ждал бы еще больше, – прокомментировал отец.
- Смотрим свежие фотографии: Гриша с женой и детьми за столом, а в вазе – крупные красные помидоры.
- Мама не верит:
- Свежие помидоры в марте? А у нас созревают только в июле...
- Наша мама-героиня тоже начинает созревать для Израиля, – и отец ее нежно погладил по волосам.

Апрель 1990 года.
Михалин, Белоруссия

У нас дома неожиданный гость. Брат Сергей, отвыкший от холода, ежится в саду, не снимает куртку. Приехал из Сухуми попрощаться перед отъездом в Израиль. Отец торжествует, мама довольна по-своему: «Теперь Гриша не будет один».

**Май 1990 года.
Климовичи, Белоруссия**

Утро. Моя жена Аня стоит возле кухонного окна и смотрит на улицу. Через дорогу техническое училище, где она работает заместителем директора по учебной части. Увидев меня, не сдерживается и высказывает все, о чем думала в последнее время.

– Куда мы уезжаем? К арабам? К черту на кулички? В жару? Без языка? Все начинать с нуля на новом месте? Здесь у меня работа через дорогу, ты – журналист городской газеты. Все знают тебя и меня. Наша дочь заканчивает школу. Живем, как все: не лучше и не хуже. Есть какая-никакая квартира. Машины нет, так у тебя и прав нет. Все бросить из-за прихоти твоего отца увидеть Израиль?

– Из Москвы профессора уезжают. И не это бросают. Люди живут ради какой-то идеи и ради своей страны. Я, в конце концов, не хочу, чтобы обо мне говорили в последнюю очередь – «и другие», когда на журналистских конференциях среди белорусов и русских называли евреев. Не хочу, чтобы еврейские имена обозначали только инициалами, а не полностью. Мне многое уже надоело! Ты, как хочешь а я уеду в любом случае. И дочь с тобой не оставлю!

На следующий день Аня переступила порог кабинета директора училища.

– Олег Викторович, Олег Викторович, мы уезжаем в... Израиль. У меня просто нет иного выхода, – со слезами на глазах произнесла она эти трудные слова.

– Голубушка вы моя, Анна Львовна! А я смотрю на вас и думаю, когда же вы мне об этом сообщите?

Сели рядом на диван, оба смеются.

– Вы сняли гору с моих с плеч, – признается Аня.

– Голубушка вы моя, – повторил он свое любимое обращение, – у вас есть такая прекрасная возможность, вос-

пользуйтесь ей. Я хорошо знаю наше государство. Нам всем здесь нелегко, а евреям – тем более. Езжайте-ка лучше к своим, как и решили!

Радостная и возбужденная, Аня вернулась домой.

– Продолжаем учить иврит?

– Да! Продолжаем!

***Июнь, 1990 года,
Сухуми, Абхазия***

Меня встретили черные бойницы железнодорожного вокзала. Я приехал в Сухуми глубокой ночью на электричке с разбитыми окнами. Приехал из Белоруссии, чтобы помочь родителям жены моего брата Сергея уехать в Израиль. Оба в преклонном возрасте, больные. Короче, нужна была помощь. А мне было интересно увидеть путь в Израиль через Сухуми.

Иду по темным улицам города, едва угадывая дорогу. Впервые сюда приехал в конце семидесятых. Тогда город светился огнями. Абхазы в огромных фуражках важно сидели в ресторанах. Молодцеватые грузины любезно предлагали прокатиться на машинах светловолосым россиянкам. Разноголосый рынок был слышен издали. Местные барышни в ожидании своих мужей гадали на картах, варили кофе. Особенно поражали двухэтажные особняки с большими открытыми террасами. Среди них на улице Джгубурия 58, притаился небольшой, увитый виноградной лозой домик Бориса и Софы Рохлиных, к которым я ехал. Именно с этого домика началось мое знакомство с Сухуми, с ним оно и закончилось.

Комната, где жил Сергей с семьей, будто брошенная. На стульях – вещи, на столе – фотографии. Какая-то тоска поселилась и осталась здесь после их отъезда.

Мы уезжали утром. Возле узорчатой калитки, где когда-то играли мои племянники Боря и Саша, стояли две абхазки, которые по бросовой цене купили этот дом.

Через день мы – в Шереметьево, где меня опять встретил поток отъезжающих. Они проходили контроль и исчезали в проеме дверей. Я завидовал им, понимая, что через несколько часов они уже будут в Израиле, а мне предстояло еще неопределенное ожидание.

***Август 1990 года.
Могилев, Белоруссия***

Наконец, пришла и наша очередь получать документы из ОВИРа. На приеме впереди нас лишь несколько человек. В конце 1990-го года из Белоруссии выезжало намного меньше людей, чем из России, Украины или Грузии. Традиционно здесь политические процессы более медленные, а инертность населения – заметно выше. Не стало исключением и волна отъездов в Израиль.

Нам быстро оформили документы за полгода с момента подачи, хотя и это время не терпелось ускорить. Чиновница выдала долгожданные визы. На ее лице – доброжелательность.

Как-никак, но она – последний официальный представитель власти. Почему бы на прощание не оставить хорошего впечатления?

– У нас вы можете оставаться еще шесть месяцев. После этого срока ваши визы будут аннулированы, – объясняет нам.

– Вдруг что-то изменится? Завтра же выезжаем в Москву для оформления документов, – приняли мы общее решение.

В эти минуты даже не поняли, что произошло нечто невероятное: прощание с одной жизнью и предстоящая

встреча с другой. Какой бы не была советская жизнь – плохая или хорошая, но она уже никогда не повторится! И нам предстояли большие испытания. Да и эйфория от переезда в незнакомую страну была настолько велика, что даже трудно было поверить в происходящее. Она и давала силы на всю предотъездную подготовительную суматоху.

– Заберите и меня в Израиль, – шутил поставой милиционер.

– Без обрезания никуда, – подхватил я его шутку.

– Готов хоть сейчас, – засмеялся служивый.

За окном бежали поля, березовые рощи, с которыми мы расставались навсегда. Задумалась мама. Здесь у нее были свой дом и сад, она здесь – хозяйка. А как там будет? Аня обняла нашу Женечку, которая переводила взгляды с одного на другого. Больше всех волновался Батя.

– Неужели то, о чем он мечтал с конца пятидесятых годов, наконец, свершилось?

– Знаешь, не верится, что скоро увижу солдат израильской армии. Когда воевал с фашистами, валялся по госпиталям, думал, что воюю за свою страну, а пришел домой, встретили словами: «В Ташкенте руку гвоздем царапнул? Насмехались. Обида жгла сердце, и не стихала боль за погибшую семью. Неужели все это теперь закончится?».

– Закончится, Батя, закончится! Скоро будем в Израиле! – обнимала его внучка Женечка.

Сентябрь 1990 года. Климовичи, Белоруссия

– Женька, – вбежала в комнату Наташа, подруга с четвертого этажа, – ты не поступаешь? У тебя же золотая медаль! Все уехали, а ты дома?

Моя дочь покраснела и закрыла дверь своей комнаты. Через полчаса обе вышли зареванными.

– А я и не знала, что ты уезжаешь в свой Израиль. Зачем? Женя засмеялась сквозь слезы. Наташа обняла ее:

– Я к тебе прилечу, обязательно прилечу!

Дочь утром как садилась за изучение иврита, так до вечера не вставала из-за стола.

– Вот тебе месячная стипендия, – и я положил деньги на стол. – Твои подружки получают стипендию в институте, а ты – дома. Ты ведь тоже студентка! Будущая! – заглядываю я в ее тревожные черные глаза.

Мы с женой продолжали работать, будто ничего не изменилось. Несколько лет назад такой лафы бы не было. В городе многие знают, что мы уезжаем, но никакой враждебности не чувствуем. Или время изменилось? Или люди? Во всяком случае, приятно не чувствовать себя изгоями. Наоборот, некоторые интересуются, как устраиваются в Израиле, на каком языке разговаривают, чем там планируем заниматься?

Отец ждет не дождется отъезда. Мама в тысячный раз перебирает вещи: багаж не отправляем, с собой разрешают взять только по 20 килограммов груза на человека. Белые контейнеры, которые сбивали летом в саду, уныло пригорюнились возле яблонь.

***Октябрь 1990 года.
Климовичи, Белоруссия***

Меня исключили из партии, в которую я вступил, будучи комсоргом ракетной батареи, в июне 1967 года.

Замполит дивизиона грозил в небо кулаком:

– Коварный Израиль напал на Египет и Иорданию. На провокации врага мы ответим усилением наших партийных рядов. В это горячее время, все комсорги обязаны стать коммунистами. Мы еще покажем сионистам кузькину мать!

Я не находил себе места, понимая, что не смогу стрелять в своих, если нас отправят на Ближний Восток.

– Да брось ты, успокаивал меня старослужащий Роман – единственный еврей из соседнего дивизиона, – нас никто туда не пошлет.

Так оно и было...

А через два десятка лет, разливая водку по стаканам, мой бывший парторг заметил:

– Э-х-х, Ефим, сколько можно было выпить на твои взносы?

– Еврей, да еще беспартийный, в партийной печати – это нонсенс, – поднял указательный палец редактор.

– Партия ушла, еврей остался, с чем и поздравляю, – заключаю я, разливая по второй.

– Хорошо быть евреем, – мечтательно произнес один из сотрудников. – Уехать можно!

Следующие тосты были за то, как хорошо быть евреем.

Я не спорил.

***Ноябрь 1990 года.
Михалин, Белоруссия***

– Давыдовна, вы куда так рано? – спросила соседка Никитична.

– В гости к сыну.

– Говорят, в Израиль?

– Правильно говорят: в Израиль! В Израиль, – приобнял отец Никитичну.

На крыльцо вышел с костылями Григорий Иванович.

– Давыд, уезжаешь?

– Уезжаю!

– Из фронтовиков остаюсь здесь только я один?..

Старые солдаты обнимаются, женщины плачут.

Идем с женой и дочерью на еврейское кладбище и на братскую могилу, где лежат 900 расстрелянных евреев го-

рода Климовичи и тринадцать наших Златкиных. Даю себе слово: обязательно сюда вернуться хотя бы на день и установить на братской могиле табличку с надписью, что здесь расстреляны евреи. Слова «советские граждане» скрывают истинные жертвы.

И через 26 лет, как я мечтал, установил все-таки на памятнике и такую табличку, и шестиконечную звезду Давида.

***Ноябрь 1990 года.
Москва***

С раннего утра мы у голландского посольства, где находится израильское консульство. Такую громадную очередь я видел только в шестидесятые годы, когда люди давились за хлебом. С трудом подошли к воротам, где вызывали по списку. Собралась целая группа: все летели одним рейсом. В руках – виза на въезд в Израиль.

Маленький старый еврей спрашивает у дочери:

– Манечка, сколько стоит билет?

– Сколько тебе раз говорить, мы летим бесплатно!

– Как это бесплатно? Я на автобусе никогда не ездил бесплатно, а тут на самолете?

– Где ты ездил на автобусе? – подходит к старику какой-то хохмач.

– Как, где? В Жмеринке!

– Все, кто имеет красивых дочерей, в Израиль летят бесплатно.

– А если у меня сын, я должна платить? – не поняла шутки одна из женщин.

– Это зависит от того, какой у него цвет волос.

– Ры-ж-ий.

– Тогда заплатите вдвойне, – под смех собравшихся объявил хохмач.

Народ развеселился, почему бы не пошутить?

Каждый оставлял свои дома, родных, друзей – всю свою прожитую жизнь. Что их там ждет? Сколько волнений уже прошло? И сколько впереди? Почему бы немного не расслабиться? Говорят, смех продлевает жизнь. Начнем ее продлевать прямо перед вылетом!

Аэропорт Шереметьево, ты не помнишь меня?

А я помню все твои уголки. Вот и пришло время с тобой попрощаться. Как и прежде, множество людей и невероятная дорожная суета.

Что на себя натянуть? Рубашку одну? Две, три? Две куртки, чтобы больше вывезти, ведь вес ограничен, а багаж не отправили.

Отец махнул рукой:

– В Израиле тепло!

– Мама волновалась о другом: двое сыновей в Израиле, третий летит с ней, еще двое остались..

– А вы когда прилетите? – обращается к ним.

– В будущем году, – обещает Леня.

Яша еще не решил.

У меня в кармане 450 долларов: все наше заграничное богатство. Больше недели мы стояли в очереди, чтобы иметь хотя бы эти крохи. Хотя ничего особенного и не было, чтобы обменять: квартиру отдали бесплатно. Даже заплатили за ее ремонт коммунальщикам. За лишение гражданства заплатили, за высшее образование заплатили. Тогда это были большие деньги – годовая зарплата на двоих.

– Столько лет работали, а выпустили ни с чем, – разводит руками Аня.

Самолет поднялся над Москвой. Вспомнился кинофильм «Интердевочка», героиня которого, взлетев над столицей, сказала себе: «Вот и все...».

– Вот и все, – говорю я себе тоже, осматривая с высоты заснеженный город.

*Москва-Тель-Авив, ноябрь холодный.
Самолет взлетает над столицей,
Понимаю: теперь уже не-воз-мож-но,
Никогда сюда возвратиться...*

– Что будете пить? – спрашивает бортпроводница.

– Пиво!

– А мне – коньяк, – задиристо ответил отец.

– Знаешь, о чем я думаю? – наклонился он ко мне. – Мы первыми уехали из нашего города, но за нами уедут все.

– Ты так считаешь?

– Уверен.

Батя оказался прав. Пришло время, и большинство евреев из Климовичей поехали вслед за нами.

Самолет, оставив позади заснеженную Европу, летел над Средиземным морем. Когда под нами засверкала от множества огней земля, а в салоне раздался гимн Израиля «Атиква», все вскочили со своих мест. Незнакомые люди стали целоваться, обниматься, а бортпроводницы раздавали сладости, наливали в стаканы шампанское.

– Ира, Ира! Мы дома! Ты понимаешь, что мы дома?

Ира не понимала... Ее дом остался в Белоруссии, а в Израиле его еще нужно было строить...

Как в этой сутолоке можно что-то сделать? Попали в самый пик!

Наконец, оформлены все документы: мы граждане Израиля! Получены деньги. Куча денег!

Никогда в жизни ни мне, ни моим родным просто так не давали ни копейки. Наоборот, отнимали. Платил как юный пожарник, хотя ни разу не был на пожарах. Платил как член ДОСААФ. Под гребенку всех записали в комсомол – платил взносы. Потом партийные, профсоюзные взносы – тоже платил! Только вышел на работу – плати за бездетность.

– Не могу же я за один месяц родить, да и рано в 17 лет жениться, – возмущался я в бухгалтерии.

– Таков закон: начал работать – плати за бездетность!

Всю жизнь только и платил, получая копейки. И вдруг, впервые в жизни выдают деньги на проживание, на съем квартиры, на электротовары! Денег – целая куча! Они совсем не похожие на советские рубли, непонятно какие купюры...

– Златкины? – подходит к нам высокий сотрудник безопасности аэропорта, – добро пожаловать в Израиль! Я – Иосиф, двоюродный брат Эллы, жены вашего брата Гриши. Значит, и ваш родственник. Вас уже ждут дома. На выходе из здания стоит ваше такси.

Улетали из Москвы холодной зимой, а здесь – настоящее лето! Все в сочной зелени, непривычно жарко: двадцать четыре градуса тепла. Сбрасываем с себя тяжелые турецкие свитера, остаемся в легких рубашках. Принимай, страна, своих новых жителей! Вокруг море огней и машин.

– Здравствуй, Израиль! Мы к тебе приехали навсегда! – поднял вверх руку Батя.

– Мы все остановились и обнялись, четко осознавая, что это исторический момент, что в новой стране нам суждено состариться и умереть, но вначале дождаться внуков и правнуков.

– Женя, Женя, – кричу я. – С днем рождения, тебя, моя дорогая доченька! В дороге даже забыл, что тебе сегодня исполнилось 17 лет!

– Где же подарок? – шутит Женя.

О подарке тоже забыл. На помощь приходит, как всегда, наш Батя.

– Вот тебе подарок, – он обвел рукой вокруг, – ты получаешь свою страну! С самого детства я тебе говорил, что ты будешь жить в Израиле, учиться в Иерусалиме, выходить замуж в Иерусалиме и рожать детей тоже в Иерусалиме.

– Да ладно уже вам, замуж, – Аня притянула к себе дочь, – она у нас еще маленькая.

Мы приехали в неизвестность, имя которой Жизнь...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

СТРАНА ЖЕЛАННАЯ, ОБЕТОВАННАЯ

**14 ноября 1990 года.
Реховот, Израиль**

– Страна, давай знакомиться! Я – Ефим Златкин.

– Откуда приехал?

– Из местечка! Москвичи и ленинградцы, не крутите носами, ваши дедушки и бабушки тоже ведь оттуда. Раньше вся восточная Белоруссия и многие районы России и Украины входили в черту оседлости. Евреи могли выйти за черту и переехать в крупные города только по Высочайшему позволению. Таких счастливцев было немного. Большинство рождалось и умирало в местечках, никогда не выезжая за их пределы. Как и белорусы, евреи зимой надевали овчинные тулупы и валенки-катанки. Весной и осенью носили сапоги-бахилы, летом – лапти. Жили обычной жизнью селян. Одни занимались извозом -лошади с телегами стояли возле дома, сани – в клетях, другие – портняжили, третьи – кузнечили, четвертые – торговали, пятые – все в карты продували.

Так продолжалось из поколения поколениями. Все было обычным и привычным. Даже синагоги – от рождения и до смерти. После революции местечковая молодежь ринулась в столичные города, а мой дед Залман остался в местечке Михалин, вступил в еврейский колхоз. Из колхоза ушел на фронт вместе с семнадцатилетним сыном Давидом, моим будущим отцом. Иначе бы ему лежать вместе со своей матерью в песчаном котловане, а мне с моими четырьмя братьями, не появиться на белом свете.

В сорок три года я приехал к тебе, Израиль!

Прожито немало. Все, что делал и чем занимался, надо сейчас забыть? Учебу в университете, работу в редакции, коллег, друзей, мое детство, юность, молодые годы- все послать к черту на кулички? Выбросить, как ненужный хлам? Но это же жизнь? Ее тоже забыть и все начать с нуля?

Страна, я же по-ни-маю: ты меня не звала.

Все претензии – ко мне. Лично. Сказать, почему я приехал?

– Езжай в свою Па-а-ле-е –с-т-и-ну, – драл горло длиннорукий Васька, которого я только что выбил из круга, играя в лапту.

– Васька! Ты чего? В какую Палестину меня отправляешь? Разве не видишь, что я такой же, как ты! И цыпки на ногах, как у тебя. И ободранные локти до крови, как у тебя. И нос такой же, облупившийся от загара, как у тебя. Я – свой! Такой, как ты, Васька! Такой, как вы все! Что вы, ребята? Обиделись на меня из-за того, что я Ваську так быстро выбил из круга? Да выбивайте меня, хоть тысячу раз!

Но ребятня молчит. Молчит моя ребятня. Никто не спорит:

– Да что ты, Васька? Мы же вместе с Аликом (так звали меня в детстве) ходим по ягоды и грибы, ловим рыбу, рвем зеленые дички. Какое отношение он имеет к Палестине? Алик – наш! Не в Палестине он родился, а у нас, в Белоруссии, – мне хочется, чтобы кто-то ему так сказал.

Но мои мальчики молча ковыряют цыпки на ногах и болячки на локтях.

– Понимаешь сынок... – Батя только разводит руками, не зная, как мне получше объяснить.

– Мы хуже?

– Мы не хуже и не лучше. Мы – другие.

Я и сам вижу, что не такой, как мои белорусские сверстники. У них светлые волосы и голубые глаза, у меня черные волосы ежиком, черные глаза и черные брови.

– Почему я такой? – допытываюсь опять и опять.

– Какой такой? Черноволосый? Посмотри на меня, на маму, на своих младших братьев – мы все такие. Мы не славяне, поэтому отличаемся от них цветом волос и внешностью. Мы – евреи. Во время войны нас уничтожали, как диких зверей. У того же Васьки дед был в полиции. Видимо, ненависть к нам передалась ему по наследству.

– У нас нет своей страны?

– Есть! И страна, и история! Если есть Бог на небе, мы там еще будем жить, – и отец прижал меня к себе рукой, изуродованной шрамами от ранения на войне. Я этих шрамов раньше боялся. Они казались каким-то драконом, поселившимся в отцовской руке. А сейчас засыпаю и вижу во сне, как отцовская рука вдруг становится самолетом, и мы на этом самолетике летим в нашу родную страну, имя которой я даже не знаю.

– Спасибо, дружище Васька! Да и всем спасибо, кто не однажды посылал меня в Палестину, то есть – в Израиль. Ваши слова, наконец, нашли понимание и отклик в моей душе. Мысленно я благодарю теперь своих обидчиков.

– Ты слышишь, моя страна? Я твой! До самой кончины, и после нее тем более...

– Я о тебе слышал, что ты такая храбрая и сильная. Неужели все эти Исааки, Шлемы, Зямы, Стэры, Сары – на первый взгляд, совсем не великаны – такие непобедимые воины?

– Когда тебе разрывают горло, силы удесятятся, – утверждал мой отец.

Он знал, что говорит: ударом ноги в пах, свалил громадного бандюгу, который полез к нему драться в белорусском селе. Помог опыт, приобретенный в рукопашных схватках с немецкими фашистами. Точно также не раз прижимали к стенке Израиль? И вот эти встречающиеся на улицах обычные люди, наголову разбивали врагов, когда им разрывали горло?

Даже вот эта старушка, медленно идущая по улице? Она тоже воин? У нее на руке выжженный номер узницы кон-

цлагеря. И вдруг перед ней на колени с букетом в руках... опускается Батя.

Старушка вначале ничего не понимает, но он что-то горячо говорит ей на идиш. Показывает свою руку, изувеченную на войне, дотрагивается до ее руки с номером. Они смеются, обнимаются и еще долго стоят рядом.

– Ее зовут Злата, как и мою расстрелянную сестру. Прошла Освенцим. Посмотри, какие люди вокруг? Все – кремень. А улицы? Вот эта, по которой мы идем, называется «Кибуц гилайот». Знаешь, что это означает?

Почему город, где мы остановились, называется Реховот? Знаешь? А соседний – Ришон-ле-Цион? История, сынок, здесь на каждом шагу. Спешу все это осознать, записать, запомнить, переговорить с теми, кто выжил в гетто, кто волевал. Ты же – журналист. – Батя в своем амплуа, начинает меня программировать дальше.

– Ты забываешь, что я без работы и не знаю языка. У нас ничего нет. Через год закончится «корзина»⁵, и нам просто будет нечего есть. У тебя хорошая пенсия, ходи, разговаривай, записывай, а я должен добывать хлеб насущный, – ответил я, понимая, что отец прав тысячу раз.

С каждым днем мы привыкали к мысли, что холодная, неприветливая Москва и весь ледяной Советский Союз остались в прошлой жизни. А здесь тепло, и так много продуктов, которые выставляет на стол наш брат Сергей. Живем у него уже несколько дней.

Рядом – брат Гриша с семьей. Мы окружены сердечностью и любовью.

Десятки тысяч репатриантов из СССР приехали в Израиль в 1990 году – в первый год массовой алии. Такого потока раньше не знала ни одна страна. В каждом квартале – сотни приезжих. На тротуарах они подпрыгивали, как кузнечики...

---

⁵ Денежное пособие для приезжих.

– Прыг-скок, прыг-скок!

– Побежали!

– Куда?

– На шук, то есть рынок. И обязательно в конце дня, а лучше в конце недели: будет дешевле!

На рынок идем все вместе, а назад – прыг-скок – один из нас едет в автобусе, нагруженный сумками, остальные пешком налегке. Билеты на всех – это уйма денег! Улыбаемся: сколько сэкономили на проезде?

– А теперь куда?

– Записываться в ульпан⁶.

– Прыг-скок, прыг-скок!

– Побежали!

Снова прыг-скок: покупать электротовары, уже выделили деньги.

И так с утра до вечера: прыг-скок, прыг-скок...

Наши уши, как локаторы, вращались во все стороны: не пропустить бы чего?

– Что вы говорите? Открыли склад одежды на улице Гордон? Там есть что-то стоящее?

– Роза, посмотрите на меня. Ви меня узнаете? Это же я, Маша!

– Маша? Я вас узнала только по голосу. В самолете вы были, как выючная верблюдица.

– А вы как думали? На мне было три куртки и два свитера. Да какие куртки! Кожаные! А здесь жа-ра!

– Сколько можно? Куртки, жара. Вы же, как девочка, крутитесь передо мной, я уже вспотел, – подал свой голос Зяма, муж Розы, – брючки, кофточки, откуда это у вас?

– Со склада! Поторопитесь, может, и вам перепадет.

Дальше я уже не слушаю: бегу домой сообщить информацию. Бате долго объяснять не надо. Мать на ходу хватается баул:

⁶ Учебное заведение, где изучают иврит.

– Смотри за всем, мы скоро!

Зачем смотреть? Сел на кривоногий стул, доставшийся от прежних хозяев. Сейчас, когда никого нет, могу признаться, что я почти в шоке.

Ехал в свою страну, а куда приехал? Вчера хозяин, вернее, внук хозяина квартиры примчался из Иерусалима. Лопочет что-то, машет рукой, мол, иди сюда, сюда.

А-а, понятно. С его балкона хорошо видны апельсиновые плантации.

– Тов-тов⁷, – хлопает отца по плечу, мол, какой вид!

Я хочу ему сообщить, что у нас всего две маленьких комнаты, одна из них – даже без окна. А Шмулик, так внук называл себя, все воркует:

– Вай, вай, эйзе пардес! Эйзе пардес!⁸

Спросить, какое отношение она имеет к захудалой квартире, за которую он гребет деньги, как за новую?

Но Батя толкнул меня в плечо:

– Не позорься. Он же – израильтянин.

– А я кто?

– Ты еще оле-оле⁹, – и смеется.

– Мотек, мо-тек¹⁰, – машет рукой Шмулик.

Переглядываемся, кого он зовет? Машет рукой, значит, всех? Мы все мотеки?

– Кен, кен¹¹, – кивает головой Шмулик и показывает на часы, мол, у нас мало времени.

Смотрю на своих братьев, они идут за Шмуликом.

– У вас денег много, – говорит Гриша, – получили в аэропорту на две семьи. Легче будет заплатить за квартиру.

---

⁷ *Хорошо, хорошо.*

⁸ *Ой-ой, какая плантация!*

⁹ *Репатриант.*

¹⁰ *Ласкательное обращение.*

¹¹ *Да, да.*

– Хозе, хозе¹². – Маклер потирает руки и приглашает нас к столу. – Окей! – радуется он, словно выиграл миллион. – Тов, сагарну¹³...

Смотрю, как сильно похудела пачка наших денег. Мы заплатили хозяину за жилье сразу за шесть месяцев. Сколько же осталось? На что будем покупать продукты?

– В Израиле нет голодных, – не теряет оптимизма отец.

– Завтра я тебя посажу на одну картошку, – грозитя мама.

– Э-э, – машет он рукой, – не напугаешь, я на апельсины перейду. Вокруг одни плантации.

– Не надо печалиться, вся жизнь впереди! – вспомнил я веселую песню нашей молодости и направился к выходу. – Все! Договор в руках, вперед!

За спиной смеются братья. Что такое? Что?

– Ма зэ, ма зэ?¹⁴ – лепечет белоснежный кругляш за маклерским столом. Срываясь с места, он бежит ко мне и протягивает руку. Я в знак благодарности жму ее с такой силой, что кругляш перестает улыбаться. Мои братья уже не просто смеются, они покатываются со смеху.

– Эйфо кесеф, кесеф?¹⁵ – Он снова протягивает мне свою покрасневшую руку.

– А-а, деньги? Хочешь месячный взнос? Четыреста долларов? Так ты не зря улыбался? Такая работа у тебя? Писульку накрутил и печатку шлепнул. Ну и кругляш!

Смотрю на него и на внука хозяина квартиры.

Мама родная, вот вам счастье привалило! Не думали-не гадали, что посыплется на вас золотой поток? Мы же вам последнее отдаем. Будем сидеть на воде и селедке. Вы хоть это понимаете? Да где там...

---

¹² Договор.

¹³ Хорошо, закончили.

¹⁴ Что это, что это?

¹⁵ Где деньги, деньги?

– Савланут! Беседер, савланут.¹⁶ – С этими словами они нас выпроваживают за дверь.

– Батя, твои евреи нас согнут в бараний рог, – не теряет остроты момента мама.

– Раньше ты боялась пикнуть, а теперь храброй стала, – он бросил на нее рассерженный взгляд.

– Братья-евреи, вы же нас без ножа режете, – хочется закричать на всю улицу.

– Нельзя было найти квартиру без маклера? – спрашиваю у Сергея и Гриши. – Прошлись бы по улицам, увидели бы вывеску, что сдается квартира для олим хадашим¹⁷.

– Встретимся, – вместо ответа обещает один из них, – сегодня у меня вечерняя смена.

– До завтра, – машет рукой второй, – а мне до полуночи разгружать машины на овощном складе.

Я открыл рот и не мог закрыть: на кого обижаться? И так сделали многое: встретили, приняли.

Через несколько дней я уже хорошо понимал, что рай для нас здесь закончился, даже не начавшись.

Ноябрь 1990 года.

Реховот

К центру города стекается странный, непохожий на других народ. Разноцветье лиц: белые, желтые, черные. Звучит разноязычная речь. Одни в шортах и лаптях, как древние римляне. Другие – в черных халатах, а папахи, как у полковников Советской Армии. Мать честная, это же самый настоящий Вавилон!

– И все они евреи?

Вот эти с завитыми косичками? Они откуда? Из Йемена? Стройные мужчины, женщины, прыгающие возле них дети,

¹⁶ Спокойствие, все хорошо.

¹⁷ Новые граждане страны.

тоже с косичками, но поменьше. Всегда громко разговаривают – крепкие, коренастые люди. Если замешкался, могут и небрежно отодвинуть в сторону – это выходцы из Марокко. Они в стране в большинстве: чувствуют себя хозяевами положения! Луноликие, чем-то похожие на героев из индийских сериалов, евреи, прилетевшие из Дели.

Вау! Вахтанг Кикабидзе? Он тоже еврей? Рядом прошел человек, такой на него похожий!

– Ираклий, гамарджоба, генацвале, как я рад тебя видеть! – широко расставив руки, он обнимал толстяка в большой шляпе.

А вот это уже мои земляки – белорусские евреи, я их хорошо узнаю по говору, как и приехавших из Украины.

Москвичи, ленинградцы – не торопливы, не выпячивают себя: больше стоят в сторонке. Но видят и понимают, видимо, больше других? Столичны-ы-ы-е люди!

Я никогда не видел сразу столько много евреев. Русских видел, белорусов видел, грузин видел. Кого только не видел, но вот евреев в таком количестве – не видел. Никогда и нигде.

– Ты не жил с евреями. Знай, что мы не простой народ, – рассуждал перед моим отъездом дядя Сема. – Когда собираемся вместе, и нас много, такие могут быть фортели, что, мама родная, не горюй!

Что же, посмотрим на братьев-евреев, с близкого расстояния.

Это я иду по голосистым улицам или не я? Какой я?

Непохожий на других, передвигаюсь осторожно, словно, карабкаюсь по скользкому льду. Яркое солнце слепит глаза, мохнатые пальмы не дают никакой тени.

Бесконечное количество машин пронесется мимо. Разноцветные рекламные щиты, объявления. Что на них написано?

Что говорят прохожие? Имея глаза и уши, я будто стал слепым и глухим: ничего не могу прочесть, ничего не могу понять и услышать.

Господи! Впереди меня мелькают такие же настороженные люди. Видимо, тоже приехали недавно.

– Как турки, – разводит руками встречающая женщина. – Ни слова не понимают по-русски.

– А вы знаете, какой второй язык будет в Израиле через 30 лет? – пробую пошутить.

– Не понимаю. – Мужчина поднимает на меня уставшие глаза.

– Иврит!

– С какой стати?

– Первым языком будет русский! Нас столько приедет, что местные начнут учить русский.

Смеемся и обнимаем друг друга.

Не покидает ощущение нереальности. На улице- жара и странные люди. Разговаривают гортанно, обрывисто. В любой момент могут хлопнуть друг друга по плечу и, прервать разговор. А дома, как будто, никуда и не уезжали. Мама, как раньше, что-то готовит. Батя читает газеты, только уже израильские – они на русском языке. По телевизору идут московские передачи.

Смотрят на меня вопросительно.

– Танцуйте!

– Письмо?

И Батя приглашает маму на танго. Точно также они танцевали, когда получали армейские письма от сыновей. Им не терпится.

– От кого? – спрашивают оба. – Вчера было письмо от Яши, значит, сегодня от Лени?

Не скрывая радости, усаживаются рядом:

«Мы живет вашими вестями. К счастью, они хорошие. Прошел только год, как Гриша уехал в Израиль, а уже учителствует? В Белоруссии ему вообще не обещали место в городской школе, я его получил только после трех лет работы в сельской местности. А в другой стране, через год

при таком наплыве филологов устроиться по специальности, это просто чудо!

Получили обратно одну из шести посылок, которые вам отправили. Ее вернули из-за детских книжек. Непонятно? Они же были изданы в Советском Союзе? Посылку разрезали ножом и снова зашили. Видимо, ее проверяли в Москве? Искали что-то, не нашли и в сердцах вернули обратно».

Ну а что сегодня? Деньги уходят, как песок просыпается сквозь пальцы. До начала ульпана осталось две недели. Можно где-то подработать?

– Пойдешь на трубный завод? – спросил знакомый.

– Да хоть к черту на рога!

– Смотри не пожалей.

Мой напарник – уроженец Эфиопии, молодой и мускулистый.

– Один конец трубы поднимает он, второй – ты, – объяснил мне жестами бригадир участка, – понятно?

Мне-то понятно, но как объяснить это коленам, чтобы не подгибались от тяжести, и рукам, чтобы выдерживали ношу? Вспоминая все русские маты, перетаскиваю трубу за трубой на другую сторону.

Отстояв полсмены, спешу за всеми в столовую, но старший по ней объяснил, что меня еще не поставили на довольствие. Уставший, голодный, продолжал перетаскивать трубы. Наконец, моя первая рабочая смена закончилась. Пришла подвозка, но в ней для меня нет места – обратно возвращается больше людей.

Первая рабочая ночь стала большим испытанием. Я один остался на заводе, ходил между станками, коротая время. Вначале донимала жажда, потом – голод и холод. Я, конечно, не маменькин сыночек, но никогда на меня не наваливалось столько напастей сразу. Как прошла ночь, уже не помню. Утром на рейсовом автобусе добрался из Кирьят-Малахи в Реховот, а днем снова примчался на завод.

Каково же было мое удивление, когда увидел ворота закрытыми. Оказывается, объявили выходной, но сказали на иврите, и я ничего не понял. Только и оставалось, что посмеяться над собой.

Такой водоворот жизни был вокруг, что, опустив руки, можно было утонуть в нем. А я так хотел выплыть! И не только я, но и мои родные. В съемной квартире все мы жили вместе, а за ее пределами, каждый искал свой путь в одиночку...

Не обходилось и без приятных моментов. Что ни утро на дверной ручке нашей квартиры висел пакет с молоком и хлебом. Вчера, позавчера, сегодня...

– Кто он, добрый волшебник? Может, двери перепутал?
– спрашивала мама.

– Завтра утром встану пораньше и посмотрю, – пообещал Батя.

– Вот босяк! – раскатисто засмеялся он утром, – это же Сережа. Бежит с ночной смены и приносит нам хлеб с молоком, хотя сам зарабатывает гроши.

– Почему втайне от нас?

– Не хотел нас смущать.

Я немного беспокоился за отца, зная его кипучую активность. Чем же он будет заниматься в Израиле? Оказывается, зря беспокоился. Раньше нас он узнал, где в Реховоте открылись кружки по изучению иврита. И, обязательно с пирожками и соками.

– Не теряйся, – подмигивал мне на перерыве.

Каждое утро сообщал:

– Ухожу на разведку!

Понятно, в поход за новостями?

Через пару часов возвращается.

– Ну и что сообщило олимовское радио?

– Олим хадашим знакомят в синагоге с еврейскими традициями. Пойдем?

– Ты там уже был? – замечаю новую кипу на голове.

Хитро улыбается:

– Во время еврейских праздников там от вкуснятины ломятся столы...

– Теперь понятно для чего ты приехал в Израиль. – Мама грозно наступает на Батю. – А мне всегда говорил, что еда не главное.

– Я и сейчас считаю, что книги главнее всего, но давно не отмечал праздники в синагоге. Их же все у нас закрыли!

– Ладно! Я тоже пойду с тобой, – говорит мама, – но с одним условием, что запишут и детей.

Не знаю, как и с кем договорился Батя, только первый Песах в 1991 году мы встречали в синагоге. Даже Леня с семьей успев только сойти с самолета, был среди гостей.

Живя с голодом, мы охотно посещали такие празднества. На них не только уплетали за обе щеки, но и знакомились с еврейской историей, о которой совсем ничего не знали раньше. И это запоминалось больше, чем сами угощения!

Оторвавшись от прежней среды и не освоившись на новом месте, мы особенно радовались письмам от родных, которых разбросала судьба.

– Наши либералы стоят на охране таких ложных ценностей, о которых и говорить стыдно. К чему это приведет Америку, я не знаю, но сегодня США – великая страна! – пишет Галина Левина из Бруклина, двоюродная сестра отца. – Моя хозяйка (не еврейка) прислала на Песах букет цветов и торт. На второй день меня и моего мужа наш директор пригласил к себе на обед.

Вспомнилось, как мои родители – отец Лейба и мама Стэра – пригласили на Песах Давида и Ирину Златкиных. Это было в 1947 году! После свадьбы они жили в нашем маленьком домике. Именно к нам из роддома принесли своего

первенца Ефима! Моя мама со скромных запасов приготовила обед, все вместе сели за праздничный стол, а маленький человек тихо сопел в сверточке. Напиши об этом в книге!

– А еще о чем? – спрашиваю по скайпу.

– Что нас не разделят ни годы, ни расстояния. Но все может стереть время. Я последняя в семье из родившихся до войны: больше никого нет. Внукам и правнукам хочу сообщить, что у меня и у Давида Златкина была бабушка Хана. В ее честь назвали меня, а потом переделали на Галю (родная сестра отца, которую расстреляли в три года, навсегда осталось Ханой). Тетя Лея, мамина сестра, и шесть ее детей жили в Польше. Они все погибли во время восстания в Варшавском гетто.

Евреи – не только многострадальный народ, но и героический! Счастливый! Дожили до своего государства! Так получилось, что мы уехали в Америку. Но наша семья, как и многие другие постоянно жертвует деньги в пользу Израиля. В еврейских домах Америки стоят копилки. Как только они наполняются, передаем их в синагоги, пустые забираем обратно. Израиль- это тоже наша крепость!

– Вот так новость! Тетя Галя только приехала в Америку, а уже делится с нами долларами? Не думаю, что они были лишними у новых эмигрантов!

Тетя Галя и дядя Матвей из Бруклина, американские евреи, спасибо вам за пожертвования в пользу Израиля. Может быть, на ваши деньги мы так классно отметили первый Песах в Израиле?

Декабрь 1990 года.

Реховот

Дивные деревья, переливаясь красками, создали удивительный шатер. Под ним прогуливались вновь прибывшие.

То и дело спрашивали, откуда, кто приехал?

– Москва, Минск. Житомир, Бердичев, Киев, Гомель, – слышалось со всех сторон.

– Мой адрес – не дом и не улица! Мой адрес – Советский Союз! – Соломон – с большой седой гривой – с хитрецей смотрел на своих соседей.

Все уже его знают: шутник, весельчак!

– Где Соломон, скучно не бывает! – кто-то уже предвкушает забавный вечер.

– Получил я сегодня письмо из Бобруйска. Моя соседка Дора через неделю приезжает в Израиль, – сообщил Соломон и выжидающе посмотрел на окружающих.

– И?

– Дора красивая?

– Ей нужен муж или друг-любовник?

Соломон хмыкнул:

– Кто ей нужен, спросите у нее? А вот она у меня спрашивает, можно ли привезти в Израиль... сало?

– Еще не успела выехать, а уже соскучилась? – Это Калман, который раньше был Николаем, ярим коммунистом, а теперь отпустил бородку, стал настоящим кошерным евреем. Для этого даже сделал обрезание в 50 лет. И по секрету сообщил каждому по очереди, что теперь его Розалия им восхищается, как мужчиной.

Услышав об этом, Розалия скорчила такую гримасу, что все, кого Калман агитировал пройти обряд обрезания, шархались от него, как от чумного.

– Евреи не едят сало! – вставил свои пять копек, то есть, шекелей, Калман-обрезанный (теперь его иначе, уже никто не называет).

– А сколько ты слопал этого сала? – Розалия, видимо, не выдержав чудачеств Николая-Калмана, вlepила ему по полной.

– Так это же было раньше.

– Кто меня просил сделать яичницу на сале? Николай Первый? Нет, Николай-Калман.

Пристыженный, он отходит в сторону.

– Как вы же банально мыслите, евреи? Никакой изюминки! Думайте, думайте, что мне написать?

– Ми не гои? Правильно? – Еще один юморист по имени Наум вступает в обсуждение. – Так вот сало-то не кошерный продукт, по всем еврейским законам питания является не чем иным, как контрабандой? Как только ваша подружка Дора приземлится в Израиле, ее препроводят в тюрьму под белы ручки?

Ему, конечно, не поверили, но сомнения у людей появились. На следующий день о Доре уже все забыли, ибо появилась новая тема для обсуждения.

– Вы хотите экономить? – вопрошал мудрый Соломон. – Экономьте на марках! Кому отправляете письма, попросите, пусть они за них и заплатят, – выждал немного, посмотрел на реакцию соседей и добавил: – Вместо одной марки можно купить полкило картофеля? А-а?

Через пару дней я случайно увидел, как мои соседки по дому Злата с Белой в сопровождение своих мужей несли письма без марок в почтовый ящик.

...На следующее утро Соломон вновь пришел в скверик. Так и чувствовалось: сейчас он что-то вновь отчудит.

На дорожке появился высокий, дородный мужчина со шляпой на голове от солнца. За ним мелкими шажками семенила его жена Лея.

– Все! Моя жизнь окончена! Кому я нужен с русским языком? – присев на скамейку, он стал вытирать пот на голове. – Ни-ко-му!

– Скажи мне, зачем тебе нужна шляпа, если ты и так потеешь? – шутит Соломон.

– Как же так, как же так?.. – тараторит владелец соломенной шляпы.

– Мой Зиновий – филолог, был Заслуженным учителем школ России, а теперь внуки ему говорят: «Нам твой русский язык вообще не нужен, ты лучше сам учи иврит». Вот он и расстраивается, – спешит к нему на помощь Лея.

– Пойдите. – Женщина в легком спортивном костюме подошла к скамейке: – Мы в стране уже три года. Мои внуки решили изучать русский язык. Вы можете давать им уроки? Сколько это будет стоить?

Зиновий, как юноша, вскочил со скамейки:

– Милочка моя! Сколько дадите – столько будет хорошо! Главное не деньги, а быть при деле.

Люди оживились.

– Соломон! Пора тебе уже открывать бюро по трудоустройству.

– Пора! Прямо сейчас и начнем!

– Вот вы батенька, кто по профессии? – обратился он к угрюмому человеку.

– Я журналист, но мне 70 лет. Кому я нужен?

– Ошибаетесь! Хотите работать?

– Хочу!

– Вместо ручки возьмите в руки, извините, метелку или грабли. Начните убирать в общественном скверике. Разве это плохо? А когда появится настроение – пишите очерки для потомков, каким вы увидели Израиль в конце 90-ых. Идет?

– Идет! Я даже об этом и не подумал, – повеселел журналист.

Соломон разошелся не на шутку:

– А вы кем раньше работали? – обратился к красивой женщине артистического вида.

– Я была скрипачкой в Тбилисской консерватории. Теперь скучаю.

– Не скучайте! Поменяйте струны на спицы. Вяжите носки да варежки! Осенью и зимой пригодятся внукам.

Раздался такой общий смех, что птицы испуганно взлетали с деревьев.

Наша новая жизнь в самом начале была наполнена не только тревогами и заботами, но и оптимизмом, верой, что все будет беседер¹⁸.

Евреи-выдумщики, откуда появились вы? Я-то считал, что ушли в историю вместе с Шолом-Алейхемом?

А вы родились вновь?

**Январь 1991 года,
Реховот**

Женя стояла перед зеркалом с ножницами в руках. На пол падали черные локоны. Бабушка Ира застыла в дверях, Аня приложила палец к губам: тише, тише.

– Такие косы, такие косы, – сокрушалась она до слез. А может из-за того, что понимала, как тяжело ее дочери расставаться со своей юностью.

Возле двери – дорожная сумка.

– Я же говорил, что тебя ждет Иерусалим! – Этими пафосными словами Батя постарался как-то разрядить ситуацию.

Женя – худенькая, тоненькая, с большими глазищами – смотрит на нас.

Что мы можем ей дать? Ни-че-го. Чем помочь? Ни-чем. Сами карабкаемся почти на четвереньках, как слепые котята, тычемся носами во все уголки нового бытия. Даже нет времени что-то обсудить или обговорить.

Поступила на подготовительные курсы Иерусалимского университета.

Хорошо? Конечно, хорошо!

Не каждая девушка после полутора месяцев пребывания в новой стране может этим похвастать. Одна, в большом городе, пробивает себе дорогу.

---

¹⁸ Хорошо.

– Счастья тебе, доченька!

Кроме пожеланий, я ничем не могу ей помочь.

Ошиот, как пчелиный улей: сотни олимов обитают в этом городском районе.

Мы занимаемся в ульпане. Чтобы дать нам больше времени на учебу, мама взяла на себя всю кухню, отец – покупки продуктов. Наша съемная квартира в двадцати минутах от учебы. Начало зимы, а в садах – цветут цветы. Нам не понятна жизнь израильтян, но машин возле каждого дома нельзя не заметить.

– Неужели в каждой семье машина?

– У некоторых даже две!

– Такие все богатые?

– Муж работает в одном городе, жена – в другом. Как добираться на работу без машины?

– Это понятно. Но откуда деньги на две машины?

– Темнота, – машет на меня рукой брат Григорий, обладатель новенькой японской машины. – Всем новоприехавшим дается специальная олимовская скидка. Как не воспользоваться?

– И все же, у одних есть скидки, у других нет. Где взять несколько десятков тысяч шекелей сразу?

– Во первых, не десятки, а всего несколько тысяч! Остальные деньги возьми в банке, как ссуду – и рули, – объясняет мне Григорий, – но на льготу от государства у тебя есть всего три года. Не успеешь ее взять – потеряешь. Понятно?

– Как не понимать? Хотя о покупке машины я и не думал: не до жиру, быть бы живы...

Но стало традицией во время прогулок по Ошиоту знакомиться с машинами, которые находились на стоянках. Глаза разбегались: японские, американские, итальянские, французские! Как на выставке, они соперничали между собой. В Советском Союзе недостижимой мечтой многих был неуклюжий и неудобный «Запорожец». А здесь такой выбор!

– Лично я заказал для себя «Шкоду-фаворит». Ее цена несколько десятков тысяч шекелей, но я плачу всего 18 тысяч, которые взял в виде ссуды на пять лет. Остальные деньги государство выделяет как подарок. Теперь понимаешь, куда приехал? – говорит Семен, опытный водитель из Биробиджана.

Понимаю! На каких-то работах наскреб пару тысяч шекелей – и в компанию по продаже машин. Через месяц въезжаю в свой двор на новенькой «Шкоде», но... неумело.

– Права получил, а ездить не научился, – замечает мой сосед Шимон.

Сотни тысяч новых репатриантов получив льготы на приобретение машин, стали их владельцами. Наша жизнь начала меняться. Перестав быть безлошадными, выехали на израильские трассы по направлению в Иерусалим, Тель-Авив, Эйлат, на Мертвое море, Голаны.

– Страна, открывай лицо! – восклицаю я, знакомясь с ней все больше и больше.

**Январь 1991 года,
Реховот**

А я все донимаю Григория своими вопросами. Для меня он ватик¹⁹, уже год в стране.

– Ты куда приехал? – спрашивает он.

– В Израиль...

– Ответ неверен. Ты приехал в капиталистическую страну по имени Израиль. Одной рукой тебе дают деньги, а другой отнимают в виде процентов на взятые ссуды. Всем такая игра нравится: государству, олимам²⁰, банкам. Кстати, сколько ты с собой привез?

– По 150 долларов на человека.

¹⁹ Старожил.

²⁰ Новоприбывшим.

– Элла, – обратился он к жене, – возьмем его завтра с собой? Может, тоже купит себе квартиру? У него даже деньги есть.

Ночью снились кошмары. Мои долларовые бумажки от меня убежали – одну поймаю, вторая выскользывает из рук. Обессилев, я их отпускаю, и они, скрутившись в зеленый шарик, улетают в небо.

– Вот так улетит и твоя квартира. Кто тебе ее продаст без денег? И последние копейки потеряешь, – сомневается Аня.

Мое любопытство взяло верх над недоверием, и я тоже решил поехать с Гришей и Эллой в соседний Ашдод.

Олимы начала девяностых годов напоминали испуганных зайцев. Ничего не понимали, всего боялись и во всем видели подвох. Русскоязычные газеты пестрили объявлениями, что выдается беспроцентная машканта²¹ на приобретение квартир.

– Хотят усыпить нашу бдительность. Смотри, как завлекают всякими пирожными и напитками. Не верю я им, не верю, – пыхтела рядом с нами крупная особа.

Мы уже в многолюдном зале. На сцене яркая ораторша, как потом узнали, председатель ашдодской омуты Софа Ландвер – будущий министр правительства, депутат Кнессета.

– Поверьте мне, еще спасибо скажете!

Мы не понимали, что мы счастливики, что получаем беспроцентную ссуду, что сегодня один доллар равен двум шекелям, что придет время, когда он вырастет в три-четыре раза, и тогда цены на квартиры поднимутся до небес. Но тогда на душе было тревожно: брать ли на себя такой долг?

– Как я могу оплачивать машканту? Я же без работы? – спрашиваю у Софы.

– Вы знаете, где будут построены ваши дома? В районе белых вил! Кто сейчас их не купит по такой низкой цене, по-

---

²¹ Ипотечная суда.

том будут сожалеть. Не упускайте свой шанс. Насчет работы не беспокойтесь. Есть желание – устройтесь, – слышу ободряющие слова.

Одни говорят, другие слушают, третьи налегают на бесплатные булочки. И многие обсуждают условия покупки квартир с представителями амуты²².

Григорий и Элла присели за отдельный столик.

– И вы хотите приобрести квартиру? – подошла ко мне девушка с папкой «Шикун Овдим» – так называлась строительная компания, которая взялась за строительство домов для приезжих.

– Роза, представляешь? Нам в окна будут смотреть пальмы, – шептал своей жене ее муж-оптимист.

– Я таки об этом мечтала в Одессе. Только когда еще вырастут наши пальмы? Пока там одни песчаные барханы и злые шакалы.

Рядом оформляли квартиру на первом этаже. Вначале я выбрал квартиру на четвертом этаже – самую дешевую.

– Моим родителям будет тяжело подниматься на четвертый, – приходит счастливая мысль, и я выбираю квартиру на первом этаже.

Эх-х, моя горячность! Рядом были квартиры на две семьи: три плюс две. Зная об этом раньше, я намного бы облегчил нашу новую совместную жизнь. Не только мы, но и многие другие даже не предполагали, сколько она таила в себе опасных подводных рифов!

В тот вечер, радостные и веселые, мы радовались приобретению 4-х комнатной квартиры и совсем не печалились, что взвалили на себя ипотечную ссуду на 28 лет!

– *Никак не могу поверить, что за такой короткий срок, вы взяли ссуды и купили новую квартиру? Ваше сообщение – из области фантазии, – не верил Леня, – а мы сможем тоже так быстро приобрести жилье?*

---

²² Общественная некоммерческая организация.

– Пусть банк волнуется! – повторял я услышанные когда-то слова. – Кто знает, что будет через десятилетия? Может, банк лопнет, может, ссуду спишут?

В окна струился теплый воздух, на сердце было легко. Я не соображал, да и другие тогда мало понимали, что взвалили на себя такой груз, который нужно нести и нести. Но для нас он будет намного легче, чем для тех, кто взвалит его на себя через несколько лет. Позже машканта стала с более высоким процентом, поднялся курс доллара.

– Горбатиться всю жизнь? – спрашивали одни.

– Ни в коем случае, – противились другие.

В итоге остались без жилья. Более рискованные выстаивали долгие очереди в банках, становясь гарантами друг друга.

Прошло два года.

Там, где желтели песчаные барханы, поднялись новые белые кварталы в Ашдоде, Ашкелоне, Явне, Беэр-Шеве, Ришон ле-Ционе – да по всей стране. Сотни тысяч олим хадашим переехали в новые дома со съемных квартир и палаточных городков.

Переехали и мы, вгрызаясь в эту прежде безжизненную землю. Когда это было? В конце 1992 года. Скоро будет уже тридцать лет. За это время одни выплатили взятые ссуды, другие переехали в более современные районы, третьи стали бабушками, дедушками, а моя ель достигла высоты четырехэтажного дома, в котором мы живем.

А тогда, в начале девяностых, в одних домах и на одних лестничных площадках вместе с выходцами из Румынии, Эфиопии, Болгарии, жили бывшие москвичи, ленинградцы, киевляне, минчане. Выбрав прямую абсорбцию, бросились в водоворот кипучей израильской жизни.

Мы все – разные? Да! Молодые и пожилые. Белые и черные. Оптимисты и пессимисты.

Похожие? Да! Как это не странно.

Ни бельмеса не понимали на иврите, не знали, что будет с работой, жильем.

Нас сюда притащили на аркане? Нет! У каждого был выбор? Уехать или остаться.

Но сколько же вокруг нытиков?

– Зачем мы сюда приехали? Я там бы-ы-л таким человеком, а теперь здесь мной все помыкают, – можно было нередко услышать.

Многие из новоприбывших были далекими от еврейского образа жизни, в чем их нельзя даже обвинить. Система «лепила» советского человека, которому ее национальные потребности были чужды. Если к другим нациям она относилась более или менее лояльно, то только за изучение иврита евреев отправляли в лагеря и тюрьмы.

Поэтому, если отказники и сионисты проходили большой путь в еврейском самосознании, то другие евреи (к счастью, они не были в большинстве) двигались в обратном направлении: меняли имена, фамилии, а нередко и национальность.

Именно они, чтобы заслужить одобрение системы, с пеной у рта доказывали, что Израиль – самый главный враг человечества, а советские евреи ничего общего с ним не имеют. Но, как только жареный петух клюнул им в одно место, сразу же забыли, что говорили. И вот такая разнородная масса, влившись в Израиль, естественно, увидела его разными глазами.

– Э-эй, господа-нытики, скептики и пессимисты, прошу всех в сторону! Да поживее! Вы же помните, что произошло с теми, кто, выйдя из египетского рабства, скорбел по прошлой жизни? Они не дошли до Земли Обетованной. Миллионная алия сейчас тоже выходит из рабства – только из советского, – хотел я им сказать, – хотите себя грызть? Грызьте! Но только изнутри и тихо. Только детям и внукам своим не мешайте, и уже будет от вас какая-то польза.

Прошло какое-то время, и даже лица отъявленных скептиков засветились:

– Мои дети пошли на учительские курсы. Закончат их – будут работать в школе, а пока им платят на жизнь, – говорят одни.

– Мы переезжаем в караваны. Там все удобства, и деньги сэкономим, – это уже сообщают свою радость другие.

Помню, как повсеместно вырастали тогда целые караванные городки. Когда пришло время расставаться с ними, многие даже жалели оставлять обжитые места – так к ним привыкли.

А мама, получив очередное письмо от младшего Лени, просто сияла.

– Послушайте, что пишет мой сынок! Как он прав.

«Не переживай из-за того, что не получила свои посылки по почте. Вместо радиоактивных вещей, ты приобрела счастье видеть своих детей и внуков ежедневно, а не раз в несколько лет».

Через неделю от Лени приходят сразу несколько писем:

«У нас все быстро дорожает, везде – огромные очереди, продукты выдают по талонам. Сливочного масла – по 200 грамм, сахара – 700 грамм на человека. Хлеб разбирают сразу, в магазинах – толкучки, народ – озабоченный. У нас другая забота: как быстрее уехать?»

Сегодня вернулся из Бреста: две ночи провел в поезде, четыре дня на вокзале и в таможне. Багаж проверяли полностью: все выбросили из контейнеров, развернули, потом забросили, как попало. Вся процедура проверки вызвала неприятные эмоции: жили, работали, служили в армии и, в одночасье стали чужими, изгоями».

Батя только ходит и потирает руки, а мама уже считает дни до приезда семьи младшего сына.

– А что я тебе говорил? – чуть ли не танцует по квартире отец. – Нужно главное видеть! Мы в своей стране, а мелочевку, что оставила – это дело наживное.

– Какая же это мелочевка? – обиделась мама.

– Ира, да мало ли что я сказал? Посмотри, в доме напротив живет Гриша, чуть дальше – Сережа. Скоро и остальные приедут. Что тебе еще надо?

ВТОРАЯ ГЛАВА

ЧУДО ИЛИ ПЕРСТ БОЖИЙ?

*Январь 1991 года,
Реховот*

Пришли дожди. В съемной квартире холодно, обувь и верхнюю одежду не просушить. По телевизору нагнетается обстановка в связи с приближающейся войной с Ираком. Батя, как всегда, потирает руки:

– Скоро полетят наши мальчишки!

Мама его охлаждает:

– Ты не думаешь, что их мальчишки тоже могут к нам прилететь?

– Не успеют, – парирует Батя и высоко поднимает кулак.

– Бабушка, ты нашего Батю долго искала или сразу нашла? – шутит Женья.

В любой день может начаться война, к которой мы по большому счету не готовы. В шкафу четыре противогаза, но они больше для самоуспокоения, чем для защиты. Понимаю, что должны быть подобраны, проверены, как плотно закрываются лица. Но никто их не подгонял под размер головы, на складе торопливо вручили каждому под расписку.

Когда я был в Советской армии, мы проверяли свои противогазы в специальной палатке. Маленькая щелочка в игольное ушко, куда проходил газ, давало о себя знать – мы вылетали на улицу, как пробки из шампанского.

А куда здесь побежишь, если не дай Бог? Надеяться на заклеенные лентами окна? Да это ж, как мертвому припарка. По телевизору вещают, как только Америка ударит по Ираку, он в ответ будет бомбить Израиль.

– Господи! Скажи, почему евреи всегда крайние? Почему Гитлер нас уничтожал? Сталин давил? Брежнев закрывал

рот? А теперь Саддам Хусейн хочет отравить? – Мама сжала руки, искривленные артритом.

– Кишка у него тонка, – держится Батя.

Так проходили день за днем. Ночь за ночью. Ложились спать в одежде, готовясь ко всему.

И вдруг – сирена. Все вскочили и бросились в приготовленную комнату. Стали плотно заклеивать двери клейкой лентой, проверять уплотнение окон.

– Противогазы, противогазы, наденьте, – торопила Аня.

У Иры не получается, Женя снимает свою маску и дрожащими руками помогает бабушке надеть противогаз.

Уже через минуту Батя срывается: снимает с себя противогаз.

– Чтоб я боялся какого-то Хусейна?

Где-то рядом раздался громкий взрыв, ударная волна бьет по окнам.

– Это упала ракета. Могут быть газы. Батя, срочно надень противогаз. – Женя уже не просит, а нахлобучивает ему на голову.

Прошло несколько минут, смотрим друг на друга через запотевшие глазницы:

– Живы?

– Значит, никакого газа нет?

Звоним Грише.

– Девочек мы закрыли в шкафу, а сами плотно прижали дверь, чтобы хотя бы их спасти, – тревожно сказал он.

Мы смеемся.

– Отбой?

– Отбой!

– Пойдем спать?

– Идите, если что, позвоним.

Все передачи на иврите, что говорят, непонятно.

Утром, как обычно, идем в ульпан. Противогазы через плечо и – на улицу. Все с противогазами: пешеходы, води-

тели. Идти минут двадцать, но, может, поехать на автобусе? Смотрим друг на друга.

– Дорого. На эти деньги можно купить буханку хлеба. Если что вдруг – перебежками. Противогазы на голову и – в ближайший дом.

Учительница иврита, мать семерых детей, само спокойствие. Она поправила на себе выдавшую виды кофточку и подошла к доске. Урок начался, как обычно.

– Сара, – спрашиваю у нее на перерыве, – как ты справляешься?

– Ма хасер ли? Барух хашем еш хаколь, лехем, маим²³.

– И Саддам Хусейн, – добавляю я.

– Раньше был Аман, и где он? Там же будет и Хуссейн. Тизкор! Израиль хай, еш вэ эйе²⁴.

На следующий день иракцы снова нанесли удар по Израилю. Через три дня вся страна опять была подвергнута массированному обстрелу.

Жутко выли сирены одна за другой, ракеты советской модификации падали на наши головы.

– В Москве не знают, что в Израиле полно бывших граждан России, Украины, Белоруссии?

– Знают! И хорошо знают. И Саддама Хусейна в Кремле тепло принимают, – комментирует Батя, – ему поставляют ракеты, танки, самолеты.

И снова завывала сирена, потом вторая, третья...

Хотелось кричать не столько от страха – сколько от бессилия, оттого, что нас бомбят «нашими» же ракетами. Какой-то парадокс, отсутствие здравого смысла: раньше нас держали на нищенской зарплате, чтобы гнать оружие тому же Хусейну, а сейчас убивают этим же оружием.

«Ефим, я тебе сообщу по большому секрету, что начинаю подумывать о вашем возвращении? Может, это и глу-

²³ *Что мне не хватает? Слава Богу, есть все: хлеб, вода.*

²⁴ *Запомни! Израиль был, есть и будет.*

по, но до чего мама не додумается, когда на детей летят ракеты? Вы сидите в закрытой комнате, да еще в противогазах? Какие мучения? Мы встаем и ложимся с одной надеждой, что Хусейн сломает себе голову или ему кто-то поможет, – такое пришло письмо от моей тещи из Белоруссии, Любовь Израилевны Фрадкиной.

А мама в перерыве между бомбежками читала вслух письмо от Лени:

«Хрен с ним, с этим Хусейном. Ты его, Батя, конечно не боишься, но надевай противогаз ради мамы. Она на тебя жалуется в письмах. И мы не знаем, кого больше винить в семейной размолвке тебя или Хусейна?»

– Да хрен с ним, с этим Хусейном! Будет сирена, натягивайте на меня эту резинку, – безоговорочно сдается Батя.

Мы все смеемся понимая, что не так страшен черт, как его малюют.

Десятки «Скадов» разорвалось на территории густонаселенного Израиля. И какие были потери? Четверо умерших от сердечных приступов, триста раненых и разрушенные дома. Как не поверить в существование Высшей Силы? Смертоносные ракеты, летевшие на Израиль, словно, кто-то могучей дланью относил то на море, то на пустыри.

– Это чудо, правда, Сара? – спрашиваю у своей моры²⁵ по ивриту.

Она смотрит на меня из-под очков и говорит:

– Бэвадай²⁶.

Бог наш! Храни нас и дальше от большой напасти, а маленькие как-нибудь и сами переживем.

Война закончилась также неожиданно, как и началась. В знак солидарности с иракскими бомбежками, палестинцы перестали прыгать по своим крышам, но продолжали взрывать автобусы.

---

²⁵ Учительницы .

²⁶ Конечно.

«Наши друзья недавно вернулись из Израиля, – пишет нам родственник из Перми. – Рассказывали, что у вас теракт за терактом. Возле дома, где живет их дочь, смертник взорвал автобус. За моим окном – снежные сугробы, мне холодно, болят суставы. Я страдаю в холодной и голодной стране, пишу вам с помощью лупы, но пока у вас есть убитые и раненые, мы к вам не поедem. Ваши руководители гонят страну в пропасть. Одни мчатся на поклон к Ясиру Арафату в Рамаллу, другие с оглядкой смотрят на европейских либералов, которые ублажают палестинцев. Вы не понимаете, что спасет Израиль только единый кулак?»

– Я даже не знаю, что нас спасет. Мы уже как-нибудь... Что будет с детьми, с внуками? – и мама устало опускается на табуретку.

Что ей сказать? Все наладится? Успокоится?

Но никто из нас этому не верит. Только вчера я услышал от людей, прошедших не одну войну, что Европа балует палестинцев, как маленьких детей. Приучила их жить с протянутой рукой, оплачивает террор.

– Палестинские лагеря – это пороховые бочки. Европе, которая не успела уничтожить евреев во время войны, очень выгодно держать эти бочки наготове. В мире тысячи конфликтов. Старые затихают, новые возникают. Но, как меха кузнечного горна, израильско-палестинское противостояние раздувается десятилетиями. Очень много поджи-га-те-лей! Из-за чего весь сыр-бор? Из-за нескольких еврейских поселений? Не смешите меня... Уберем их сегодня, завтра война уже приблизится к нашим границам. Сначала потребуют Ашкелон, Ашдод, потом – Тель-Авив и Хайфу.

Мы построили страну в пустыне, а что мешает палестинцам построить новый Гонконг в Газе, где такое прекрасное морское побережье? Только зависть и злоба, – рассуждает один из ватиким²⁷.

Согласен с ним: он прошел три войны!

---

²⁷ Старожилов.

**Апрель 1991 года,
Реховот**

Мы продолжаем входить в жизнь страны. Как-никак, но уже обстрелянные. Война нас быстро изменила: перестали восторгаться пальмами и цветами, теплой зимой и теплым морем. Реальная жизнь оказалась не просто другой, но и – опасной. Израильтяне, видимо, к ней так привыкли, что и мы расслабились рядом с ними.

Приход нынешней весны совпал с Днем Независимости Израиля.

Улицы разукрасились бело-голубыми флагами и разноцветными шарами. Страна в зелени деревьев и ярких цветах. Все – в едином радостном порыве.

– Сынок, ты родился почти одновременно с Израилем. Возможно, когда-нибудь будешь праздновать свой день рождения и день рождения страны, – говорил мне Батя еще в Советском Союзе.

Тогда этим словам я не придал никакого значения. Жил в стране лозунгов, демонстраций, прикрытого обмана, а Израиль – хороший или плохой – находился от меня дальше светящихся звезд на небе. Их я хотя бы видел...

Давид Бен-Гурион, провозгласивший государство Израиль в 1948 году, война за Независимость, вспыхнувшая уже на второй день, мужество выживших евреев – все это было где-то на другой планете. Израиль все годы жил своей жизнью, а я своей... И вдруг день и год моего 44-летия, совпал с 43-й годовщиной страны?

– Сынок, ты помнишь мои слова? – спросил Батя, собираясь на празднество.

Больше всего нам хотелось увидеть символ самого Главного праздника страны. Может быть, он – вот эта девочка со светлыми волосами, видимо, чья-то дочь репатриантов? Или темнокожие евреи из Эфиопии?

Или родившиеся уже здесь молодые марокканские евреи? Нет, не это и не это...

И вдруг я увидел, как закрыв глаза, танцует старый израильтянин. Вместо правой руки, от самого плеча, висит пустой рукав. Второй рукой он взмахивал над головой в ритм музыки, а его морщинистое лицо светилось невероятной радостью.

Без лишних слов было ясно, что это один из тех, кто неразрывно связан с Днем рождения Израиля. А танец был таким ярким, волнующим, что и другие люди, образовав широкий круг, стали танцевать с ним вместе.

Скоро вся площадь объединилась в одном танце, в одном веселье.

Еще пару месяцев назад именно сюда, на эти улицы прилетали ракеты, а в окна врвался убийственный вой сирены.

– Милхама авра, зе ло паам ришона²⁸.

Таасе хаим²⁹, – машет мне рукой незнакомый «марокканец», протягивая пакет со сладостями.

Я думаю о том, что евреи пережили на этой земле римлян, вавилонян, персов. Хусейна тоже вот пережили. Когда палестинцы поймут, что худой мир лучше доброй ссоры и хорошей войны? Наступит ли этот долгожданный мир в наших широтах?

Но сегодня – День Независимости! И эти вопросы себе никто не задает! Веселье бурлит, как полноводная река. Посмотрите на наш праздник, господа хорошие! И вы поймете, что создав свою страну через тысячелетия, евреи ее никому не от-да-дут. Ни-ко-му и ни-ког-да!

Мой Батя ликует. С нескрываемым восторгом он смотрит на людей в белых одеяниях – уроженцев Эфиопии. Они живут в отделении абсорбции напротив нашего дома.

---

²⁸ *Война прошла, это не в первый раз.*

²⁹ *Наслаждайся жизнью.*

И каждое утро Батя приносит им апельсины из плантаций, сладости для детей. Увидев знакомых, он спешит к ним.

– Как он их различает? Они же все на одно лицо? – недоумевает мама. – Ме-шу-га³⁰!

– Ира, хотел бы я их увидеть вместе с тобой, лет этак через двадцать пять. Чтобы ты тогда сказала? – вдруг задумавшись, говорит Батя.

Дорогой Батя, я их увидел! В Ашдодском отделении Министерства внутренних дел, моих родных в мае 2018 года принимала Рахели, обаятельная еврейка из Эфиопии. Она светилась, как жемчужина. Легко переходила с английского языка на иврит, в шутку вставляла русские слова, быстро печатала на компьютере.

– Видимо, такой красавицей была и царица Савская, которая обворожила царя Давида? – делаю ей комплимент.

– Яхоль лейот³¹.

– Ат ноладт по³²?

– Эфшар леагид хаха³³. Я здесь с двух месяцев.

– Девочка моя, какой же ты прошла путь, чтобы вот так свободно улыбаться и быть равной среди равных?

Может, среди символов Дня Независимости первого года в Израиле были наш Батя и Рахели, которую двухмесячным ребенком привезли из Эфиопии?..

**Июнь 1991 года.
Реховот**

Мы в стране чуть более полгода. Что успели за это время? Влезли в ярмо, как говорили все, взявшие машканту. За-

---

³⁰ Ненормальный.

³¹ Может быть.

³² Ты родилась здесь?

³³ Можно сказать так.

кончили ульпан, но разговаривали с ужасным акцентом и даже сами себя не понимали.

– Батя, почему я тебя послушал и пошел в журналисты? Лучше был бы я слесарем и нашел себе здесь работу по специальности.

– Не робей! Ты в своей стране. Коммунист, офицер, журналист, и распускает нюни? – Батя в своем репертуаре.

– Тебе бы по телевизору выступать, – подтрунивала над ним мама. – Все лозунги: страна, страна!

– Руки не опускать! Есть полгода «корзина», нужна еще и подработка. Начну -ка я параллельно с ней искать работу по специальности. Что-то застоялась моя новенькая печатная машинка! С чего начнем? Да хотя бы со вчерашней встречи со знакомыми, – размышляю про себя.

Печатаю первые абзацы:

«...Опустив голову, сидит за столом Елена. Огненно-золотистые волосы разбросаны по плечам, как у всех сабр, так называют всех, кто родились в Израиле. Малышка протягивая ручки к маме, лепечет: «Има, има...»³⁴.

– Сюда приехали, она совсем не говорила. А вчера первое слово сказала на иврите, – подняла глаза Наташа, – но теперь будет разговаривать на английском.

Я уже знаю, что завтра они улетают в Австралию. Муж и жена – оба кандидаты экономических наук, но в Израиле не нашли для себя работу.

– До последнего мы не теряли надежду на лучшее. Но с каждым днем все больше понимали, что как специалисты мы здесь никому не нужны. Написал своему другу в Австралию. Помню, уговаривал его переехать в Израиль. Мол, это наша историческая Родина, а мой друг только слушал и улыбался неопределенно. Будто все знал...

³⁴ Мама, мама.

Получили от него ответ: «Золотых гор не обещаю, но будете обеспечены работой по специальности».

– Скажи, что нам еще нужно? Решились, уезжаем...

– Има, има, – лепечет маленькая дочурка.

Опустив голову, все так же сидит за столом старшая дочь. Ей жалко расставаться со своими друзьями-израильтянами, с мечтой учиться в Иерусалимском университете...

Через день-другой они приземлятся в Сиднейском аэропорту: надеются на лучшее. Точно также же они надеялись, когда год назад приземлялись в Тель-Авиве».

Через несколько дней, дополнив и углубив этот материал, еду в редакцию газеты «Наша страна». Как меня встретит журналистская братия? На кофе с булочкой, радостные объятия не рассчитываю. Но все же?

– Оставь материал. Посмотрим, – усталым голосом ответила одна из сотрудниц, углубляясь в чтение каких-то заметок.

Видно сразу: загруженность выше крыши. На страницах в основном перепечатки из российских изданий, переводы информационных подборок и реклама. На собственные очерки, аналитические материалы нет ни времени, ни сил.

В душном автобусе возвращаюсь обратно до Реховота. Полнейшая апатия. Израильская русская пресса, судя по всему, влачит жалкое существование. На нее, видимо мало надежд...

Настроение поднял Батя. Со свежей газетой в руках прямо-таки подлетел ко мне:

– Читай: «Набирается группа для переподготовки журналистов из бывшего Советского Союза».

Эдуард Кузнецов, главный редактор газеты «Время», известный нам, как один из угонщиков самолета в советские времена, инициировал этот курс.

Его жена, Лариса Герштейн, журналистка и общественный деятель, взяла на себя все организационные вопросы, связанные с учебой.

Все мои коллеги воспрянули духом. Загорелись глаза, появилась надежда. Нам открывают страну, местную журналистику, израильские реалии. Но, выпустив совместный первый и последний номер газеты, мы закончили курс и разъехались по своим городам. А дальше что? Руки чешутся, так хочется писать.

«За окном съемной квартиры бурлит жизнь. Что ж, я готов броситься в самую ее гущу! Кого увижу? Кого встречу сегодня? На улице Герцля, возле банка «Апоалим» ко мне вдруг с жаркими объятиями бросился яркий блондин в джинсовом костюме. Кто это?»

– Не узнаешь? Это же я, Всеволод! Мы с тобой жили в одном университетском общежитии в Минске?

– Да, жил с тобой, с вами, – признаю и отступаю на шаг назад.

– Какое счастье встретить земляка, однокурсника в этом балагане. Что за народ вокруг? Галдят, все бросают под ноги, никакой культуры.

– Какое дело тебе до этого народа? – возмущаюсь я и вспоминаю его прежние реплики о том, что евреям дали очень много свободы.

А Всеволод, не слушая меня, сообщает, что сейчас он – Дмитрий и продолжает:

– Между нами, евреями, говоря, в России теперь такой кошмар, которого даже в Израиле нет...»

– Ты-ы еврей?

– Конечно, – улыбается Лжедмитрий, – бабушка моей мамы – еврейка. Значит, и я по материнской линии стопроцентный еврей!

– Почему ж ты всю жизнь выслуживался перед черносо-тенцами, поливал грязью все еврейское? А как прижало, из русского превратился в еврея и прибежал сюда?

– Кто старое помянет – тому глаз вон, – быстро на-шелся Всеволод-Дмитрий.

– А кто охаивает сначала евреев, а потом Россию – тому вон оба глаза!

На следующий день произошла еще одна встреча, о ко-торой не могу не рассказать.

– Я считала себя крутой, всемогущей. Помогали мои жен-ские чары. Но ты не поддавался. Хорошо понимала, что муж еврей – это шанс свалить из «совка», – рассказывает Лара, моя бывшая сокурсница.

– Нашла еврея?

– Не нашла. Попросила соседку подтвердить, что моя бабушка была еврейкой.

– Как тебе это удалось? Дала много денег?

– Откуда у меня деньги? Она просто обещала, что сде-лает это во имя прежней дружбы с моей бабушкой. Они вме-сте были на фронте.

Лара помолчала немного, а потом добавила:

– Перед отъездом зашла к Саре Абрамовне, чтобы еще раз поблагодарить. Увидев ее, такую маленькую, сухонькую, я поняла, что должна что-то сделать для нее. У нее никого из родных не осталось, замуж не вышла: ни детей, ни внуков...

– И что?

– Приехав в Израиль, позвонила Саре Абрамовне и пред-ложила ей приехать ко мне, мол, вместе будет веселее.

Она будет мне – как бабушка, а я ей – как внучка.

И вдруг, отстранившись от меня, Лара вышла навстре-чу сухонькой старушке:

– Сара Абрамовна, Сара Абрамовна, я хочу вас познако-мить со своим однокурсником.

Ласковая улыбка, сколько света в ней, – промелькнуло в голове.

А Сара Абрамовна жалуется на Лару:

– Прошу ее, перестань со мной возиться. Осмотрись по сторонам, может, кто-то понравится? Может, еще семью создашь? Как вы думаете, молодой человек?

Прошли годы.

Как-то в парке я снова увидел Сару Абрамовну и подошел к ней.

– Тише, тише, – подняла она руку, – правнучек спит, сын Ларисы. Она же замуж вышла!

Я ухожу. Ветер медленно вслед раскачивал листья».

Едут и едут новые репатрианты в Израиль. Страна принимает всех!

Поди разберись, кто из них верный Израилю сын, а кто Лжедмитрий?».

В квартире тишина. Я прочитал свой очерк родителям, как читал много лет назад, когда только начинал работать в газете. Мама всхлипнула.

– Ира, ты чего? – вскочил с места Батя.

– Старушку жалко...

Вскоре под мой очерк отвели целую полосу в газете «Новости недели». Не пожалели столько места...

**Сентябрь 1991 года,
Реховот**

– Вы думали, что Израиль должен плясать от радости, что приехали? А он прежде всего должен себя защищать! Вам дали бесплатную медицинскую страховку на год, деньги на жизнь, на квартиру и на электротовары, скидки на приобретение машин, квартир? Дали! Малюсенькая страна в окружении врагов не может всех обеспечить всем. И так делается многое, – вел со мной разъяснительную работу Батя.

Все это так, но почему я чувствую себя, как на минном поле?

Куда пойти, чтобы заработать не на кусок – на кусочек хлеба? Моя журналистика, она – как журавль в небе.

Как вписаться в эту действительность мне, чтобы не попасть на обман? Куда пойти, чтобы заработать на кусок хлеба? У меня нет никакой рабочей профессии, взята ссуда на квартиру, банк церемониться не будет. Я готов к любой работе, даже к тому, что мне недоплатят. Но на улице тысячи людей: приехало столько, что рабочих мест всем не хватает.

– Не опускай голову! Прочитай, что пишет Игорь Губерман. – Брат Григорий подсовывает мне газету:

*«Здесь еврей и ты, и я –
Мы единая семья:
От шабата до шабата,
Брат наебывает брата...»*

Смеемся, верно! Еще, как наебывает! Вперед? Выше голову? Только вперед!

– Нисайон³⁵ у тебя три дня, их мы не оплачиваем. На работу добираться самостоятельно, – объяснил Эли, старший по уборке в громадном торговом центре.

Зачем нужен этот нисайон? Чтобы убирать со столов, натирать до блеска поручни и стеклянные двери? Только постой возле меня всего пять минут, Эли! Такого вихря, как я, ты еще никогда не видел: мгновенно все уберу и все вычищу. Мало того, что ты будешь мне недоплачивать за каждый час, так еще не заплатишь за полные три дня?

– Эли, тебе не совестно жульничать?

Похоже, не совестно. Стоило бы мне только произнести хоть слово, в ту же минуту меня бы здесь уже не было. Вот и стараюсь ничем не обременять начальство в лице вездесущего Эли.

---

³⁵ Испытательный срок.

Как добраться до работы из Реховота в Нес-Цион? Ночью, рано утром? Какие вопросы, Эли? Сэкономил на питании – купил велосипед. Правда, на нем опасно ехать по трассе – могут сбить. Надеваю белую рубашку, чтобы меня видели на шоссе издалека.

Возвращаюсь ночью и размышляю: как одновременно платить за съемную квартиру и машканту? То, что зарабатую здесь, не хватит. Нужна еще одна работа». Помог Бог или случай! Кто-то услышал... Меня приняли на заводе «Электро»: обули в новые ботинки, дали удобную одежду, накормили невиданным обедом и выпустили в огромный зал. Я с такой скоростью развешивал детали на движущемся конвейере, что на следующий день трех рабочих перевели на другой участок: здесь они оказались больше не нужны.

– Эйзе маньяк³⁶, – бросили они в мою сторону недовольные взгляды.

Новый день начался с завтрака, чем был приятно удивлен. Вторично удивлен стоимостью обеда: всего 1 шекель 25 агорот.

На столах – первые блюда, три-четыре на выбор – вторых, есть соки, фрукты и пирожные. Да-а, хорошо питается израильский пролетариат!

– А какая экономия? – думаю про себя. – Найти бы еще работу, чтобы кормили вечером...

– Не разевай рот, – толкает в плечо Евгений, мой напарник из Реховота, – о чем размечтался? Шевелись! Иначе отправят домой!

В брюках и куртках с эмблемой «Электро» мы смотрим в сторону кадровых рабочих-израильтян. Отношения между новыми репатриантами и старожилами теплые. Несколько хуже – между самими олим хадашим. Видимо, чувствуется «советский» характер, когда человек человеку – не всегда друг. Платят чуть больше минимального – 6 шекелей в час.

³⁶ *Что за маньяк.*

С вычетами за обед выходит всего до 50 шекелей за смену. Не густо! Как оплатить съемную квартиру, взятую машинисту, питание и другие расходы? Мне легче, чем другим: все расходы делим пополам с родителями. Без их помощи вообще не знаю, как бы выжили. Но совместная жизнь порождает недопонимание и мелкие конфликты. От этого еще труднее.

– Лама ата бли мацав руах?³⁷ – спрашивают у меня.

Замечаю, что «бли мацав руах» не только я.

Смотрю на тех людей, с которыми долгие годы жил раньше и не узнаю. Те же люди, но их лица стали другими: потускнели и посерели за короткое время. Многие олимовские семьи, объединившись под одной крышей, готовы бежать, куда глаза глядят. Одна микросемья, питаюсь отдельно, бросает злобные взгляды на другую, боится, чтобы в общую платежку не ушла лишняя агора. Объединяет уже не общая фамилия и не одна кровь, а купленные на совместные деньги холодильник и телевизор, у которого все сидят молча.

Не приведи Господи кому-нибудь, как в былые времена, что-то сказать поперек – сразу же взорвется домашняя «бомба».

– Молчи! Не мешай смотреть, – заорет на седовласую бабушку великовозрастный внук, которого она баловала и нянчила на своих руках.

Мы почти тонем в житейском море?

Да!

И наши души тонут вместе с нами?

Да!

Мы обрубили корни с русской культурой, чтобы они засохли в Израиле?..

Многие с трудом приживаются на новом месте. Что такое наша жизнь здесь? Это – бешеная гонка за своими квартирами и за железными коробками на четырех колесах.

---

³⁷ Почему ты без настроения?

В большинстве семей нет денег, чтобы отдать детей в музыкальные школы или в спортивные клубы. Пылятся привезенные пианино, свалены в угол прекрасные домашние библиотеки. В съемных квартирах – нищета духа, и только сутками гудят «видики».

Насмотревшись телефильмов об ужасах, драках и убийствах, дети кричат во сне или с кулаками набрасываются на бабушек. Один мальчишка избил до синяков родную мать...

– Как же так? – удивлялась она. – Раньше был такой тихий и хороший.

Находясь в тисках экономических проблем, мы старались как-то от них освободиться. Но когда их не будет, не станем ли мы к тому времени людьми с огрубевшими или даже «мертвыми» душами?

Такие мысли не давали мне покоя ни днем, ни ночью. Проблем у каждого – вагон и маленькая тележка. Мои напарники по заводу Владимир и Вениамин приехали из Чернобыля. У детей онкологические заболевания. Одна надежда на израильскую медицину. Но нужно еще очень много денег на частных врачей: они принимают вне очереди. Сорокалетние Наум и Давид, отработав первую смену, всегда остаются на вторую.

– Сутками не вижу семью. Я дома, жены – нет! Жена дома. Меня – нет! – Но нужно держаться, – улыбается Марк, приехавший из Молдавии.

Мне нравится его оптимизм. Только проще всего подорвать здоровье, а как будет дальше, не знают. Пока работают по две смены. Выхода нет! Платят- минимум! Многие пришли на завод сразу после приезда в страну. Молодой парень из Узбекистана всего четыре месяца в Израиле, а работает три. Два брата из Украины пришли на это предприятие после 10 дней нахождения в стране.

– А-а, язык, – машут они, – разговорный иврит будет, а на большее мы не рассчитываем.

Дешевые работники получающие за свой многочасовой труд крохи – подарок с неба для предпринимателей! Приобретенные квартиры и машины заставляют людей брать фантастические ссуды. Вы думаете, в наших банках сидят простачки? Ошибаетесь! Их умные головы только и думают о том, как с одного шекеля, который они выдают нам, содрать десять? Процент роста машканты привязан к индексу цен. Он накладывается на полную сумму ссуд и увеличивает банковскую задолженность на десятки тысяч шекелей. Но если к индексу цен привязать не сто процентов машканты, а только пять, уменьшится банковский долг.

– Так было раньше, – утверждают старожилы.

– Нам не повезло?

– Приехали раньше, получили бы вообще бесплатные квартиры.

Не приехали...

А что изменилось почти за тридцать лет?

– Те, кто сегодня берут ссуду в размере 700.000 шекелей, платят за год по 40.000 и остаются должны даже больше, чем взяли, – таково мнение авторитетного банковского специалиста, с которым я недавно разговаривал.

Мы приехали в сложную страну, где все очень... сложно.

...Через месяц меня уволили: временный заказ закончился. Но на оплату месячной ссуды за будущий месяц я заработал. Куда теперь?

Сказали, что набирают людей на мясокомбинат. Приняли, облачили в белый халат, дали удобную обувь, хорошо накормили. Хозяин, посмотрев, как я работаю на разделке мясных туш, произнес громко какое-то ругательство на иврите, а потом сказал: «Лех хабайта!³⁸». Но, видимо, вспомнив, что я разорил его на обеде и одежде, передумал и дал другую

---

³⁸ *Иди домой!*

работу. Через пару часов, зайдя в цех и увидев гору пустых коробок, он стал хлопать в ладоши.

– Эх-эх, трактор, трактор, – утешал он меня через месяц, когда работая на скорости, я сильно травмировал правую руку.

Душевную боль ощущаю сильнее физической.

– В этом месяце я оплачу ссуду. А как дальше? – не покидает меня волнение.

Корю себя, что теперь меньше общаюсь с родителями. После работы домой возвращаюсь в полночь, а в шесть утра уже подъем. Перед уходом, как всегда, захожу в их комнату, поправляю одеяла на кроватях. Ноет сердце: раньше у отца и матери был свой дом и сад и, главное, самостоятельная жизнь. Теперь комнатка в общей квартирке? Может, зря я потащил их в этот Израиль, хотя Батя им только и жил.

Слезы, смешавшись с каплями дождя, текут по лицу. Я гоню велосипед по утреннему Реховоту. Рабочий день еще не начинался: он будет длиться до глубокой ночи...

Моя жена Аня после учебы на учительских курсах торопится на уборку чужой квартиры.

– За четыре часа заработаю 20 шекелей. Как раз хватит на копченую скумбрию, будет чем доченьку угостить, – радуется жена. Она уходит, а я стучу костяшками пальцев по столу.

Думаю:

– Пришло время повышать твой статус, Аня, с уборщицы хотя бы... до повара.

И решил, что завтра попрошу Меера, директора реховотской ешивы³⁹ взять ее к себе на работу. Я у него в больш-ш-о-о м почете. Вначале убрал во дворе камни, скопившиеся за десятилетия, потом надраил до блеска котлы, сделал такую чистку, что никто не узнал ни двора, ни по-

³⁹ Религиозное учебное заведение.

мещения. Как же он после всего этого не возьмет мою жену сменным поваром?

– Я никогда поваром не работала. Не пойду! – сопротивлялась Аня.

– Я тоже не работал ни электриком, ни мясником, ни уборщиком. Ты что, не видишь? Профессора дерутся за метлу. А здесь – такая должность: по-в-а-р!

Короче, почти насильно затащил ее к директору, представляю, что Аня большой специалист по кухне.

– Ми ат? Табахит?⁴⁰ – спрашивает Меер.

– Ани мора, – не может обмануть Аня.

Меер разводит руками:

– По ло бейт-сефер⁴¹.

– Хи табахит, табахит! Ло мора⁴², – подталкиваю свою жену к столу поближе.

Со слезами Аня лепечет:

– Кен, кен, ани табахит⁴³.

Мне стыдно и грустно. Мы ехали сюда ради такого унижения? Нет! Но нет и обратной дороги: мы вычеркнуты из прежней жизни. Как преступники, лишены гражданства и уволены с работы. В нашей квартире и в доме родителей живут другие люди.

– Нам нужно держаться, – успокаиваю Аню. – Помнишь солдата, который сварил уху из сапога? В отличие от него, у тебя всего достаточно, чтобы приготовить ужин. Вперед! Нас ждет орава голодных ешиботников⁴⁴.

И наши руки заработали быстрее минутной стрелки.

– Салаты в одну сторону, хацилим и хумус⁴⁵ – в другую, авокадо – в третью, – командовала Аня.

⁴⁰ Кто ты? Повар?

⁴¹ Здесь не школа.

⁴² Она повар, повар, не учительница.

⁴³ Да-да, я повар.

⁴⁴ Учащихся.

⁴⁵ Израильские блюда.

– Ана, еш тосефет?⁴⁶ – друг за другом подходили израильские мальчишки.

– Понравилось?

По их глазам и улыбкам видим, еще как!

Рабочий день закончен? И нам можно попить чай? Даже с творогом или с сыром? И не резать его тоненькими пластинками, как дома?

Можно! Мы же работаем не где-нибудь, а на кухне.

Возвращаемся домой. Сча-а-стливые, радостные.

– Жизнь-то какая прекрасная! Звезды! Зв-е-е-з-д-ы! Светите ярко, ярко!

– Что мужику надо? – смеется Аня. – Поесть-попить на дуринку.

– И чтобы ты всегда была рядом!

Февраль 1992 года.

Реховот

О-о, какими мы были зелененькими? И доверчивыми, как ягнятки. Все, как из одного инкубатора. Советская система откалибровала нас под одну мерку. И не важно, какие – толстые или тощие, рыжие или конопатые – большинство из нас мыслило одинаково.

«Только генерал Рабин спасет Израиль!», «Правое правительство Шамира бросило страну на произвол судьбы» – такими броскими заголовками пестрели местные газеты.

«Ицхак Шамир – маленький, колючий и такой неуступчивый, – проигрывал Ицхаку Рабину внешне. Рабин – высокий, представительный, вальяжный. Настоящий генерал! Вот он – совсем рядом, в реховотском зале, и командирским голосом рассказывает, что приведет страну к миру, когда возглавит правительство.

---

⁴⁶ Аня, есть добавка?

– А что? Говорит дело? Главное, чтобы не было войны, – слышится одобрение в рядах.

Понимаю, что политическая жизнь Израиля – самая важная тема. Для всех приехавших это – айсберг. Как невозможно под водой рассмотреть его контуры и размеры, так за короткое время нам невозможно разобраться во всех партиях, группировках и блоках. Зато партийных функционеров всех мастей волнует один вопрос: «Куда поплывет айсберг по названию «Алия»?

Более полумиллиона выходцев из Советского Союза, среди которых свыше 400 тысяч «свеженьких» – это такой хор голосов, которому позавидует любой театр, в том числе и политический. А его режиссерами хотят быть многие, организуя маленькие игры вокруг Большой алии.

Отдадим мы «Аводе» 2-3 процента и столько же «Ликуду», религиозным партиям, и где тогда наши голоса?

А-у!

Где они?

Да нет их.

Не услышите.

Раздробятся, растеряются.

Но если не будет наших голосов, сколько бы мы не при читали о своих бедах и проблемах, никто не услышит нас, безголосых? Как бы вы, мои друзья, не рядились, но без консолидации олимовских рядов, нам не обойтись!

Знаете, чего больше всего хотят лидеры всех партий? Нашей раздробленности.

Знаете, чего больше всего боятся лидеры всех партий? Нашего единства!

Айсберг – это вам не одинокие льдинки. Его не свернуть с пути и не раздробить.

Айсберг – сила! Такая же сила мы – новые граждане Израиля, имеющие около десяти процентов голосов. Не пришло ли время на политической сцене появиться новой силе,

которая бы представляла интересы самой бедствующей группы населения – олим хадашим?

Но пока «Большая алия» на распутье и, скорее всего, от «айсберга» останутся отдельные редкие льдинки».

Мой труд не пропал даром. Большой аналитический материал опубликовали в той же газете «Новости недели».

Кажется, еще немного, еще чуть-чуть и мои очерки принесут мне известность среди журналистов и читателей. И меня пригласят на работу в одно из изданий Израиля? Но у меня нет даже нескольких лишних шекелей, чтобы съездить еще раз в Тель-Авив, ближе познакомиться с коллегами. Все силы уходят в никуда: съедает нищета, угнетает ненужность.

Все больше чувствую и понимаю, что навсегда расстаюсь со своей любимой профессией журналиста, которая была смыслом моей жизни. Это расставание такое болезненное, что я в сердцах выбрасываю в мусорный ящик печатную машинку, фотоувеличитель, ванночки и другие принадлежности.

– Ма ешь – ешь⁴⁷, как говорят израильтяне, или ейн брера⁴⁸.

Надеюсь, что ийе беседер⁴⁹. Может, и будет? Аваль матай?⁵⁰

**Март 1992 года,
Реховот**

– Сынок, Израиль строится! – такие слова произнес мой отец, увидев меня потерянным и измученным. А я думаю, что он сумасшедший, не от мира сего. И звоню по телефону

---

⁴⁷ *Что есть – то есть.*

⁴⁸ *Нет выхода.*

⁴⁹ *Будет хорошо.*

⁵⁰ *Но когда?*

в Белоруссию такому же второму не от мира сего – Ивану Ивановичу Журко. На моего отца он похож точно такой же непредсказуемостью. Я хочу поддержать своего бывшего редактора, вышедшего на пенсию: догадываюсь, что сейчас ему очень морально тяжело.

А он мне вдруг начинает читать стихи Бориса Пастернака «Гефсиманский сад»:

*«Мерцаньем звезд далеких безразлично,
Был поворот дороги озарен.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон...».*

Я хотел сказать Ивану Ивановичу, что каждая минута стоит денег, что вчера моя жена, заработав несколько шекелей, купила всего лишь одну селедку на всю семью. И мы не знаем, как ее делить на пятерых. Денег нет, работы в журналистике не предвидится, дорога назад закрыта, а впереди мрак и пустота. Но, прижав трубку к уху, я слушаю стихи Пастернака, которые читает мне мой бывший шеф.

Видимо, поняв мое состояние, он сказал:

– Продержись хоть несколько дней. Только несколько дней.

– А что будет по-т-о-м?

– Продержись, про-дер-жись! До моего письма.

И вот я получаю его письмо.

Размашистым почерком Иван Иванович пишет:

«Шалом Алейхем, Шалом, Израиль!

О, времена! О, люди, жившие и живущие на этой святой земле! Сколько вас стремилось сюда к Божественному Свету.

Славен тот, кого судьба привела в эти святые места на святой земле!

Услышав в телефонной трубке твой знакомый голос, я даже не мог поверить, что ты звонишь из Иерусалима.

И дальше:

*«О, Иерусалим!
О, город городов мира...
Начало всех начал...
Исток трех религий мира...»*

Лучшие люди эпохи стремились к Гробу Господнему: Курприн, Бунин, Гоголь...

И как раньше, знакомя нас, будущих журфаковцев с известными писателями, пишет: «Была весна, Иудея тонула в радостном солнечном блеске, вспоминалась «Песнь Песней»: Зима уже прошла, цветы показались на земле, время песен настало, голос горлицы слышен, виноградные лозы, расцветая, издают благоухание...

Но и там, в эти светоносные весенние дни, мне казалось все бесконечно радостным, счастливым...».

И приписка: Иван Бунин «Весной, в Иудее».

Я еще не был в Иудее, не был у Стены Плача и в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Не видел красоту Бахайского Храма в Хайфе, Средиземного, Красного, Тивериадского и Мертвого морей, ни Эйлата, ни Нацерета. Я даже не был в соседнем Тель-Авиве. Еще нигде не был и ничего не видел, кроме съемной квартиры, но уже знал, что не пропаду в этом разноцветном, диком, как мне тогда казалось, Израиле.

Письмо Ивана Ивановича было наполнено такой магией и силой, что я почувствовал: нужно будет, взойду на гору! Нужно будет, опущусь на дно моря! И должен благодарить судьбу, время, Горбачева, что открылись границы и я прилетел в страну, о которой мечтали мои деды.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ИСТОРИИ НОВЫХ РЕПАТРИАНТОВ ИЗ ОДНОГО ГОРОДА

Спали вшестером на одной кровати

**Декабрь 1991 года,
Иерусалим**

Я прожил год в Израиле и уже как-то начал привыкать к местным реалиям и даже не подозревал, что совсем рядом от меня в невероятно тяжелых условиях проходит обсорбцию семья Иосифа Лейтуса, отец которого, Меер, был одним из моих лучших друзей. Но в те времена многие контакты были потеряны.

...Сын первого директора еврейской школы в моем городе Климовичи и внук раввина в Хотимске, Иосиф и сам не рвал рубашку за Израиль, и других за него не агитировал. Время было такое, а биография его похожа на биографии таких же еврейских вундеркиндов. Учеба в главном университете Белоруссии, на самом престижном факультете компьютеризации. И вот уже – ценный специалист, владелец четырехкомнатной квартиры в центре Минска. Жизнь удалась! Но человек радуется, а Бог смеется. Так евреи говорят...

Хищной птицей налетел Чернобыль на Белоруссию. Власти скрывали истинную картину радиационного заражения местности, а вскоре и так все полетело кувыркком. Рухнул Советский Союз.

В Израиль Иосиф ехал не активным сионистом. Как отец четырех детей, он спасал их от радиации.

В посольстве даже отговаривали, мол, четверо маленьких детей, ни бабушек, ни дедушек. Будет очень тяжело, попытайтесь уехать в другое место. Но ждать не мог.

Чтобы почувствовать еврейский характер страны, выбрали Иерусалим. В гостинице разместились в одной комнате без единого окна. Зато всего за 1000 шекелей в месяц. На шесть человек – две кровати.

И что прикажете делать? Пенять на судьбу, упрекать себя, что не дождался ответа из американского посольства, куда обращались за выездом?

Иерусалим с его холмами обладал такой магией, что бытовые проблемы стали отходить на второй план. Встречались только вечерами, у каждого были свои новости. Иосиф рассказывал об учебе в ешиве, жена Ирина – на учительских курсах, дети – в школе.

Слушая их, Иосиф замечал, что одна дочь вырастает из одежды, у второй еле дышат ботинки. А в Иерусалим вот-вот придет холодная зима.

– Может, из твоих запасов им что-то подойдет? – спрашивал у жены.

Сам питался в ешиве, дома пил только чай. На подработку не было времени. Понимал, что без многочасового изучения иврита ему, как компьютерщику, не состояться. И вдруг приходит разрешение на выезд в Америку.

– Команда, что будем делать? – спрашивает Иосиф.

А «команда» только зашмыгала носами, да отводит глаза в сторону.

– Остаемся?

– Давайте-ка лучше ужинать. – Мудрая еврейская жена переводит разговор на другую тему, как будто его и не было. Может и не было?..

После девяти месяцев нахождения в стране Иосиф Лейтус стал разрабатывать компьютерные программы для разных компаний. Позже его услуги принял Иерусалимский

университет. Более того, по его рекомендации никому не известного до этого «русского» гения приглашают на постоянную работу в Беэр-шевский университет! Но это сказка быстро сказывается, а в жизни было все мучительно долго и неопределенно.

– У нас будут отдельные кровати? – спрашивали дочери, когда уезжали из Иерусалима.

– В моей комнате будет окно? – не верил сын.

Они не мечтали о каких-то марципанах или посидеть где-то с друзьями – мечтали о том, о чем другие даже бы и не подумали.

– Экстремальные условия подготовили твоих детей к жизни в Израиле? Поэтому они в ней преуспели?

Иосиф, не отвечая на мой вопрос, рассказывает о своей старшей дочери с русским именем Елена. Она, получив две университетские степени, вернулась к религии. Может, гены сыграли: все-таки правнучка равина, а может ей так было начертано судьбой? Зато у Иосифа и его жены от Елены шесть внуков. Двое внуков подарила средняя дочь Мария.

Младшая Анна – выпускница университета, социальный работник Тель-Авивской мери. Кто, как не она, помня свои трудности во время абсорбции, лучше понимает других?

Сын Меер, названный в честь деда, прошедшего Сталинградскую битву, служил десантником в израильской армии, живет в Иерусалиме, который принял его семью много лет назад. И в благодарность к нему, вернулся в столицу!

А Иосиф купил просторную квартиру в Беэр-Шеве, чтобы в ней было места для всех детей. А они взяли – да разъехались. Зато теперь есть к кому и куда приезжать.

– Мне нужен еще какой-то другой мазаль⁵¹, после того, как я здесь столько всего прошел?

– Чтобы ракеты не падали на твою Беэр-Шеву.

– И на твой Ашдог...

⁵¹ Счастье, удача.

«Я готова целовать эту землю»

Июнь 1992 года
Реховот

– Ефим! Мы прилетели сегодня в Израиль, – слышу знакомый голос Якова Козлова, моего земляка-климовчанина.

Они приехали почти через два года после нас. Мчусь к ним.

Радостные, возбужденные... Яков – высокий, крепкий, механик по специальности. Фаина – спокойная, улыбчивая, работала на маслозаводе. Отец Якова – Арон ходит, как и раньше, с открытыми культиями рук. Я все удивлялся в детстве, как, привязав к ним карандаш, он так ловко пишет. Девочки – Лена и Алла – худенькие, бледные.

– Надышались радиацией. – Фаина прижала к себе девочек, – ничего, здесь поправятся!

И поправились! И все наладилось! Я помог Яше найти работу. Вскоре они купили квартиру в Кирьят-Гате, куда я часто приезжал. Потом приезжал в Ашкелон, соседний город, приезжал на свадьбу к его одной дочери, потом – ко второй. Позже – на брит-мила их внуков. Они выросли на моих глазах.

– Каждый день хочу целовать эту землю, – говорит Фаина. – Посуди сам, я много лет в инвалидном кресле, Яша тоже не герой, но мы не чувствуем себя на обочине жизни. Наоборот! Мы в ее эпицентре!

– Рад за вас!

– Мы продали старый коттедж, купили новый, двухэтажный рядом с морем. Каждый день я на своем «мерседесе»⁵² выезжаю на набережную.

Живем вместе с младшей дочерью. Алла и ее муж Борис – награда для нас! Дети работают, внуки в армии.

---

⁵² специальная машина для инвалидов

Сын старшей дочери Елены в боевых войсках, готовится пойти служить внука. Заканчивает службу наш старший внук. Они же израильтяне первого поколения, – рассказывает Фаина.

А разве могло быть иначе? Отец Фаины – боевой летчик Лев Антоновский. Родной дядя Якова, Яков Темкин, боевой офицер, погибший при защите Москвы (через десятилетия нашли его медальон на поле боя).

Яша с Фаинкой только переглядываются, да постукивают костяшками пальцев по столу: мол, идет время, бежит...

– Скоро на свадьбы внуков позовете?

– Конечно! Хочется не только увидеть в нашей семье израильтян второго поколения, но и их вырастить.

Старший внук Ариэль, заскочив в военной форме, просит в его комнату не входить.

– Знаем, знаем, – говорит Яша, – там он оставляет свой автомат, когда приходит домой.

«Русские», «Марокканцы»?

Нет! Израильтяне!

Март 1993 года
Нагария

Когда мы первыми уезжали из нашего города в Израиль, мне казалось, что за нами по накатанной дорожке последуют сразу же и другие.

Но у «других» была своя жизнь, в которой для Израиля даже не было места. Тамара Богачева проживая в частном отцовском доме больше думала, как ей одной его протопить, как прокормить двух растущих дочерей?

И вдруг ее старший брат Михаил – успевающий в жизни человек, имеющий свою квартиру, машину, инженерную должность, заявляет о своем отъезде в Израиль.

У Тамары – шок! Если брат решил уезжать, то ей вообще было нечего терять и думать.

Не было ни багажа, ни драгоценностей, ни денег. Все богатство – две дочери! С ними и приехала в Израиль. Это было в 1993 году.

– Мы подстраивались под эту страну и ее ментальность. Долго не могли быть олимами – нужно было становиться своими, – вспоминает моя землячка.

Повзрослев, младшая дочь вышла замуж за выходца из Марокко. Ее дети не «русские» и не «марокканцы» – они израильтяне!»

– Старший внук закончил в Израиле университет, дочери живут в престижных квартирах. И у меня своя квартира. После всего того, что пережила перед отъездом, я самая счастливая, – продолжает свою историю Тамара.

Уходят волны за горизонт

Июль 1999 года
Ашдод

Все чаще ловлю себя на мысли, что в Израиле живу всю жизнь.

Не зря у нас говорят:

– Один год проживаем за два!

Не снижается напряжение в стране: теракты, убийства израильтян, а ООН принимает резолюцию за резолюцией против нашей страны.

– Как вы живете в такой атмосфере? – спрашивают из моего города.

Вместо письма, обратно высылаю неутешительные вырезки из местных газет. Вскоре приходит ответ от Анны Свистуновой, бывшей соседки по многоквартирному дому. Это именно ей я отдал перед отъездом свои самоучители по изучению иврита, кассеты, книги по Израилю.

«Начали задумываться о переезде и мы. Но возникает много вопросов: За какую сумму можно купить дешевую квартиру, сколько стоит мебель, что взять с собой, чтобы не быть за чертой бедности? Можно ли обойтись без багажа?

Много ли денег уходит на продукты? Варят ли у вас борщи и супы? Наши евреи продают квартиры за бесценок и уезжают. После войны в Климовичах была хоть какая-то еврейская община, сейчас все рушится...»

Летом 1999 года я встречал Аню с ее детьми и внуками в Ашдоде. На месте вопросов было еще больше, но постепенно все как-то улеглось. Дочери и зятя работают, приобрели хорошие квартиры. Старшие внуки прошли армию, младшие – подрастают.

С балкона высотного дома Анна смотрит на Средиземное море, волны которого уходят далеко за горизонт. За ним – ее прежняя жизнь, в Израиле – ее сегодняшний дом!

О таких историях можно еще долго говорить! Они в чем-то похожи между собой и в чем-то отличаются одна от другой.

Парни из моего бывшего города Иосиф Лейтус, Владимир и Александр Каспины, Леонид Синельников, Александр и Яков Козловы, Михаил Фарберов, Яков Штерн, Геннадий Шур, Геннадий Резников, Давид и Леонид Невелевы, Леонид Свистунов, Яков, Сергей, Григорий и Лев Златкины, Дмитрий Стукало и многие другие полетели в неизвестность.

Прощались с одними и теми же улицами. Часто вылетая из одного и того же аэропорта, приземлялись в одном и том же аэропорту.

Почти каждый год кто-то из нас возвращается в город нашего детства, юности и молодости. Но все реже и реже. Пройдет еще какое-то время и, такие поездки прекратятся: мы стареем, детям, а тем более внукам, более интересны другие маршруты.

Как ни печально, но нужно признать: мы уехали навсегда...

**10 сентября 1992 года,
Реховот – Иерусалим**

Мы все: Батя, Ира, я с Аней, мои братья со своими женами, дети – короче, вся наша мишпаха⁵³ едет в Иерусалим.

Думаете, на экскурсию? Разве мы можем заказать такой большой автобус? Или вы думаете, что как мы приехали в Израиль, так на нас сразу посыпались деньги золотым дождем? Если посмотреть на мои руки в мозолях, то ясно, что такими руками много не заработаешь. Да и все другие точно такие же, как слепые котята: там-сям...

Но если свадьба? Первая? Да еще в Иерусалиме? Хочешь-не хочешь, но стой гвоздем. Держи марку!

Когда дочь сообщила о ней, хорошо, что рядом стояла табуретка. Поднял на Женю уставшие после ночной смены глаза и с трудом стал переваривать:

– Как замуж? В восемнадцать лет? Ни опыта жизни, ни специальности? – говорил один голос. А второй ему противоречил: «Чем помог тебе опыт жизни и твоя специальность? Да, дочь знает сегодня в разы больше меня. Де-л-а».

– Что же вы у меня такие ранние? – думаю про сына и дочь.

Но жена сглаживает мое внутреннее сопротивление.

– Родители Марика нас пригласили познакомиться. Мы должны поехать.

И это она говорит при Марике!

Разве можно отказаться? Чтобы потом всю жизнь быть врагом? Нет, если уж замуж невтерпеж, хотя бы изучим позицию наших будущих сватов.

– И что ты хочешь увидеть? – подтрунивала жена. – Люди, как люди, не задаваки и выскочки, как ты...

Хорошо, что хоть эти слова не услышал Марик.

Но если подумать, то разве наши дети виноваты, что любовь к ним пришла, когда мы без работы? Без своего жилья?

⁵³ Семья.

Без никакого будущего? Получается, они должны ждать, пока у нас все прояснится?

Думаю, у родителей Марика – Жени и Наума – тоже были вопросы, и они тоже не хотели идти против решения сына.

– Жениться на студентке-первокурснице? Взять на себя полное материальное обеспечение семьи? О какой работе вообще можно говорить, если ты сам учишься? – Эти мысли я прочитал в их глазах.

Ничего не обсуждая и не доказывая, мы сели за стол, где дразнил возбуждающий ароматом настоящий душанбинский плов, и еще много разных вкусов. Что можно обсуждать, о чем говорить или спорить, когда мы сразу почувствовали, что это необыкновенно душевная и открытая семья?

Короче, дали добро с обеих сторон.

Сейчас везу в Иерусалим 2000 шекелей. Это и на свадебные расходы, и на подарок. Больше, зарабатывая копейки, дать не могу. Остальные три тысячи дети заработали сами, чтобы оплатить зал и свадебное торжество. По сегодняшним расценкам, это вообще бесплатно.

– Провести первую свадьбу в Иерусалиме – это мицва⁵⁴. Я сам приду, – обещает Марку знакомый рав Эссес.

Батя влюбленными глазами оглядывает пробегающие за окном автомобиля белые кварталы Иерусалима и спрашивает у мамы:

– Ира, ты помнишь нашу хупу⁵⁵?

Ира, конечно, помнит. Она рассказывала о ней не единожды. А вот моя жена Аня не помнит. И я не помню. И большинство евреев, родившихся после войны и жившие в разных регионах Советского Союза, тоже не помнят.

Наши гражданские браки регистрировали в отделах загса. Даже такого слова, как «хупа», не все евреи слышали. Теперь вы понимаете, какое это было для нас волнующее событие – праздновать первую свадьбу в Иерусалиме под хупой?

⁵⁴ *Всякое доброе дело.*

⁵⁵ *Свадебная церемония согласно еврейской традиции.*

Следующие свадьбы будут у Эллы, Бориса, Миры, Димы, Софы, Яны – детей моих братьев. Все они прошли в Израиле и все были под хупой. На них не кричали «горько», но женихи по традиции разбивали каблуками бокалы в знак скорби по разрушенным Храмам Иерусалима, а потом давали своим женам – ктубу⁵⁶.

Все свадьбы проходили по еврейским традициям. Мы вернулись к своим корням. И нашим внукам уже давали еврейские имена.

Почти как в сказке: встретил «принц», то есть Марк, «принцессу», то есть мою дочь Женю, они поженились и зажили счастливо в своем «дворце»?

Нет, не во дворце, а в маленькой съемной квартире в Иерусалиме. Женя училась и работала, Марик тоже учился и тоже находил время на работу. О трудностях не говорю: ясно и понятно без слов.

Через год родилась Лея: волосы в цвет золота. Таких золотоволосых детей до Израиля я никогда не встречал! Это же какой мазаль⁵⁷, что в нашей семье родилась именно такая первая сабра!

Потом родился Йонатан. Увидев его, я сказал:

– Это уже наша златкинская порода!

Через полтора года родился Бениамин – копия Марка, только глаза голубые, как у бабушки Ани.

Вот тогда-то я и понял: зря расстраивался, когда отдавал дочь замуж. Мол, растил, растил, а пришли со стороны и забрали. Не забрали. Наоборот, мы с женой получили еще троих детей в Израиле.

---

⁵⁶ *Брачный договор, в котором перечислены главные обязанности мужа.*

⁵⁷ *Счастье.*

**Октябрь 1992 года,
Реховот**

– Маским льойт сабаль⁵⁸? – спрашивают у меня.

– Согласен!

Давид, большой, крупный мошавник, только стрельнет глазами в мою сторону, и я уже знаю, какая на очереди следующая коробка с соком.

– У меня насморк? Так это не беда!

– Когда ехал под дождем на велосипеде, простудился.

Стоит ли на это обращать внимание?

– Рега, – поднимаю щепоть пальцев, – подожди минутку и бегом в раздевалку. У меня там целый склад запасных рубашек.

Переоделся – и снова вперед! Но вот без Давида грустно: он ушел в отпуск.

– Ани носеа ле Туркия⁵⁹, – объявил он.

– В Турцию? – вытаращил я на него глаза.

– Кен, ле Туркия! Изманти картис ле матос вэ малон. Зэ мэод пашут⁶⁰.

– Для тебя, Давид, может и просто, а меня раньше даже в соседнюю с Белоруссией Польшу не выпускали, – вспомнил я, – требовали справки с работы, партийной, профсоюзной организаций и отказывали.

Понятно: «Коль еврей, двигай дальше от дверей...».

Через неделю мой Давид возвратился, я к нему.

– Эйфо хаита, ма раита?⁶¹

Это же так интересно!

Приложив руку к груди, Давид выдохнул:

---

⁵⁸ Хочешь быть грузчиком?

⁵⁹ Я еду в Турцию.

⁶⁰ Да. Заказал билет на самолет и гостиницу. Все очень просто.

⁶¹ Где был, что видел?

– Таамин ли, эйзе охель еш шам...⁶².

Ну, думаю, не понял мой вопрос.

Снова:

– Где был, что видел?

И снова тот же ответ:

– Теамин ли...

Не думайте, что израильтяне так зациклены на еде, они также любят музеи и театры, а вот моему Давиду больше всего запомнился тот «охель».

А Ицхак и этого себе позволить не может. Худощавый, обросший седой бородой, иранский еврей все время бормочет себе под нос.

– Молится, что ли? – не понимал я.

Как только выпадала свободная минутка, он вынимал ручку и начинал что-то считать: «*Хамэш вэ од эсэр, шлошим ве од хамишим*»⁶³. Подсчитает, посмотрит куда-то вверх и тяжело вздохнет.

Все знают, что у Ицхака много детей, и он всегда подсчитывает, сколько денег потратил и сколько осталось?

Яков, йеменский еврей, часто поправляет свою кипу, он работает вместе с нами. А что помогает в тяжелой работе? Шуточки, смех, подколки.

Замешкался Яков, стоит и думает о чем-то.

Давид улыбается:

– Смо-ла-ни! Смо-ла-ни! Тамших лаавод!⁶⁴

Оказывается, Яков по своим политическим взглядом, левый. Поэтому его чаще зовут не по имени, а «мапамник», от названия движения «Мапам».

Яков он симпатичен – добрый, всегда зовет на обед.

А кто Давид? Мошавник!⁶⁵ Значит, тоже левый?

---

⁶² Поверь мне, какая там еда...

⁶³ Пять плюс десять, тридцать плюс пятьдесят.

⁶⁴ Левый! Левый! Продолжай работать.

⁶⁵ Житель поселения.

– Ло! Ани – Ямани⁶⁶.

– Лама? Аравим ло роцим шалом, аравим роцим медуна шелану, смолани зе ло мевиним.⁶⁷

– А если я двадцать лет был коммунистом? Тоже смола-ни? Я не хочу отдавать страну арабам и левым не верю!

Давид мне более симпатичен! На своей машине всегда подвезет в непогоду и не отводит взгляда в сторону, как Яков.

Шемеш, еврей из Ирака, он вне политики. Только носится на погрузчике и всех подгоняет. Хотя это не его функция, а заведующего складом. Наш заведующий складом Дани – рыжий польский еврей, все надо мной подтрунивает:

– Ефим, кама шнот лимуд ата сиямта?⁶⁸

– Шеш, – отвечаю ему, доставляя удовольствие, ибо знаю, что он закончил семь.

– Таасе ли кафе.⁶⁹

По-дружески? Почему бы нет?

И снова:

– Сколько классов ты закончил? – чтобы показать свое превосходство.

И я, наконец, признался:

– Ани сиапти университет, еш ли тор шени.⁷⁰

Смотрю, Дани весь побелел:

– Ата сиямта университета? Ве овед сабаль?⁷¹

Это был шок!

Все израильтяне со второй степенью – почти что полубоги для местных. С простым людом они не пересекаются.

С той поры Дани больше не просил меня делать ему ко-

---

⁶⁶ Нет. Я правый.

⁶⁷ Почему? Арабы не хотят мира. Арабы хотят нашу страну, левые этого не понимают.

⁶⁸ Ефим, сколько классов ты закончил?

⁶⁹ Сделай мне кофе.

⁷⁰ Я закончил университет, у меня есть вторая степень.

⁷¹ Ты закончил университет и работаешь грузчиком?

фе, а вот Давиду, Шемешу, Якову и Ицхаку я готовил его без всякой их просьбы.

– Русим – зе анашим!⁷²

Давид многозначительно поднимал большой палец вверх.

Дорогие мои израильтяне, мои друзья, мои грузчики! Сколько вас таких, как Давид, Шемеш, Яков и Ицхак, которые прошли не одну войну и этим не кичились.

Вы – мои первые учителя иврита, открывшие мне политический мир Израиля. Я понял, что многие израильтяне от меня отличались только тем, что не говорили на русском языке. Благодаря вам я понял: в этой стране у меня получится все!

**Ноябрь 1992 года.
Арабский город Умм-эль-Фахм,
Израиль**

Израильские газеты призывали к миру, а на кладбищах тем временем вырастали свежие могилы.

Общество расколото: тон задают левые. Правые не лезут на рожон, знают, что против них почти вся элита страны: СМИ, судебная система, преподаватели вузов. Как разобратся в этой политической чехарде? Может, поможет поездка в арабский город Ум-эль-Фахм?

По дороге наш организатор популярно объяснил:

– В Израиле есть Коммунистическая партия, в нее входят евреи и арабы. Вместе мы боремся против эксплуатации за улучшение социальных условий и равноправие трудящихся.

Какие знакомые слова! Где-то их мы уже слышали? Точно! В Советском Союзе. Но только после его распада узнали, что скрывалось за ними. А что скрывается здесь?

Вопрос, какой процент в партии арабов и евреев, наш гид попросту не услышал. Замечание, что заботой одной

---

⁷² Русские – это люди!

партии – Коммунистической, в Советском Союзе мы уже сыты по горло, также пропускает мимо ушей.

– У вас будет встреча с секретарем местной партийной организации, он прекрасно владеет русским. Вам эта встреча запомнится, – продолжает гнуть свою линию наш дважды соотечественник.

Да, эта встреча запомнилась. Да так, словно была вчера.

На улице многочисленных плоских крыш, уходящих наверх, бегают босоногая детвора. Ребятишки показывают языки, поднимают вверх два пальца, что означает «победа»...

– Над кем «победа»? – поинтересовался один из нас.

– Над нами, евреями, и над Израилем, – догадался другой.

Непонятно, почему такие же граждане нашей страны, мечтают с детства ее победить?

– Мы им враги? – не отстает любопытный.

Все прояснилось, когда через несколько минут мы вошли в кабинет секретаря райкома.

За столом, как в Советском Союзе, сидел плотный мужчина в белой рубашке. На стене портреты Ленина, а также Ясира Арафата, Саддама Хусейна, Гамаль Абдель Насера и других арабских лидеров, которые призывали к уничтожению Израиля.

– Ничего себе «компашка», – присвистнул я, – осталось только рядом поместить лозунг «Под знаменем ленинизма-арабизма вперед к победе сионизма».

– Мы ведем войну с оккупантами, которые захватили нашу землю, – начал свое выступление хозяин кабинета.

Выпускник Ленинградского медицинского института во время учебы в Советском Союзе, он, видимо, изучал не только медицину но и тактику революционной борьбы.

– Мы считали, что разговор пойдет о совместной борьбе за улучшение жизни трудящихся, а вы говорите о войне с оккупантами? Кто оккупант, на ваш взгляд? – вступил в полемику кто-то из нашей группы.

– Вот вы и есть оккупант, – вежливо улыбаясь, но с металлом в голосе произнес араб-коммунист и тут же поправился на ходу, – вы все оккупанты. – Пока мы вас не сбросим в море, война не прекратится.

– Да не слушайте его, – засуетился наш гид, – товарищ просто сгущает краски. У нас общее правое дело. Верно, Махмуд?

Махмуд, видимо, так не считал. Он стал спрашивать, откуда, кто приехал?

Один ответил, что – из России, второй – из Украины, третий – из Узбекистана, а я – из Белоруссии.

– Вам лучше каждому со своими семьями вернуться в страны исхода. Мы будем бороться с вами, как с нашими врагами.

Трудно было поверить, что это говорит гражданин Израиля, член Коммунистической партии, а не оголтелый террорист из сектора Газы.

– Простите, – кто-то никак не мог успокоиться, – для вас и наши дети-враги? Вы тоже не даете им права на жизнь?

– Маленькая девочка через двадцать лет станет матерью, будет рожать новых израильских солдат, а маленький мальчик пойдет в армию и будет воевать против нас.

– Но он будет защищать свою землю.

– Это наша земля!

– Наши предки на ней жили тысячи лет тому назад.

– А я здесь родился И здесь родились мои дети.

– Мы можем жить мирно в одной стране. И вместе ее строить..

– Вы оккупанты.

– Мы сюда приехали, наши корни отсюда.

– Вы оккупанты, оккупанты...

Продолжать разговор было бессмысленно.

В окно бился ветер. Жарко даже с кондиционером, под

которым в большом кабинете сидел араб, свободно говоривший по-русски. Но мы его не понимали...

В нескольких метрах отсюда располагался особняк Махмуда: на первом этаже – клиника, на втором и третьем – он жил с русской женой и тремя сыновьями.

– Хорошо живет, – подумалось мне, – о такой жизни я и мечтать не могу. – А чем отвечает стране? Враждебностью, непризнанием?

В комнату вошла красивая светловолосая женщина.

– Моя жена Светлана, – меняет тему разговора хозяйин кабинета.

Женщина ставит на стол фрукты, сладости и мило нам улыбается. Все-таки бывшая землячка. Стала интересоваться новостями о Ленинграде – в нашей группе нашлись бывшие жители города на Неве.

Никто не притронулся к сладостям. Мне они показались горькими, даже ядовитыми, такими же, как и слова израильского коммуниста-араба.

– Кушайте, все вкусно, – предлагает мне фрукты наш гид и, видимо, почувствовав мое состояние, тихо говорит:

– Да мало ли что он сказал? Не слушайте его.

Прошло почти тридцать лет. По-прежнему только малая часть арабских жителей лояльна к государству Израиль. Многие из них видят в нас своих врагов. Участились случаи нападения и убийств со стороны израильских арабов. Видимо, семена враждебности таких деятелей, как Махмуд, дали свои всходы среди арабов уже родившихся после нашего приезда.

Весна 2018 года. Еду на север. Передо мной открываются галилейские просторы с шикарными особняками, вокруг которых – большие земельные участки. Их хозяева – арабские жители. Получая все льготы от государства, в каждой нашей маленькой девочке они видят будущую мать, в

каждом мальчике – будущего израильского солдата. Приговорив нас всех к смерти, они не считают, что нарушают какие-то принципы морали. Пропаганда усиливается. Те арабы, которые хотят жить в мире с евреями и считают по-другому, становятся изгоями, изгоняются из родных семей, из общества. И нужно быть очень смелыми и отважными людьми, чтобы решиться на такой шаг.

Совсем недавно встретил организатора той давней поездки. На долгий разговор у него не было времени. Александр, так его звали, спешил на очередную совместную акцию с арабскими жителями против Израиля. Путь одурачивания малосведущих и шельмование страны дает ему неплохой экономический статус и доход.

Новенькая машина, дорогая одежда. Кто его финансовые покровители, я не успел спросить. Александр уже выруливал со стоянки. Судя по всему, те же наши прежние недруги...

Декабрь 1992 года, Ашдод

Переезжаем из Реховота в Ашдод – город на берегу Средиземного моря – в новую квартиру, в новый дом, построенный на месте песчаных барханов.

– Зачем брать с собой старую мебель? – спросил известный критикан Гриша.

– Не слушай его, все загружай в машину. Придет время, купим новую, – шепнула мама..

Мы одни из первых новоселов района «тет».

В Ашдоде районы названы буквами ивритского алфавита. Если первый район, построенный в 1956 году, «алеф», то второй – «бет» и так далее.

Ашдод – огромная строительная площадка! С утра до вечера повсеместно идут работы, подвозят стройматериалы.

Такого количества подъемных кранов я никогда не видел.

– Израиль строится! – каждый день с пафосом вещал Батя, обойдя с утра строительные площадки.

На наших глазах прокладывали новые улицы, высаживали сотни деревьев, клали тротуары, асфальтировали дороги.

Я не тороплю время: хочется, чтобы, как можно больше сделали к приезду моего сына Игоря. И вот этот день наступил! В нашей квартире никто не спал. Я напряженно всматривался в проезжающие машины: вот- вот из аэропорта придет такси. Не верится, что сейчас увижу сына Игоря, невестку Светлану и крохотную внучку Настеньку. Когда мы уезжали, сын служил. После армии хотел заработать какие-то деньги на дорогу. Все-таки семья. Уговаривать его было бесполезно. И тогда я поехал со своей запиской к Стене Плача в Иерусалим. Не знаю, записка помогла или мой сын изменил свое решение, только через несколько дней он сообщил: папа, ждите нас в Израиле.

Сын и невестка в одинаковых красных куртках – и с малышкой на руках – в наших объятиях! Радость огромная. Из холодной северной страны мы вырвали родных нам людей, но еще не всех.

Сын смотрел на меня с надеждой. Мол, в стране два года – многое уже прошел?

– Едем на государственное предприятие: там кормят, поят, отвозят, привозят. Но очень мало шансов, что тебя возьмут- много желающих, - отвечаю ему.

Сам не ожидал такого счастья: и на работу его взяли, и все социальные условия предложили.

А через пару дней мой мальчик на работу... не вышел:

– Как подумаю о том, что всю жизнь буду переставлять бутылки на конвейере, так бросило в дрожь.

– Такое место работы потерял? Ты же ничего другого не найдешь.

Через день приходит домой чумазый, в мазуте.

– Ты где был?

– В яме.

Оказывается, в северной промышленной зоне открыли мастерскую по изготовлению канализационных люков. Она находится под землей. Поэтому ее и называли «Ямой». Но это еще не все. Там работали только арабы из Газы (тогда им еще разрешалось). Никого из русскоязычных, кроме моего сына, там не было.

– Как ты с ними ладишь? – спрашивал у него.

– Посмотри на фотографию.

На ней – группа черномазых людей с заросшими волосами. Все улыбаются, каждый поднял вверх большой палец. Мол, все прекрасно!

– Сколько же он продержится? – думаю про себя, – завтра-послезавтра уйдет.

Ошибся: проработал более полгода.

– Теперь мне уже ничего не страшно, если здесь выдержал, – говорил мне, улетаю в Канаду.

– У тебя же нет английского? – пытался его остановить.

– А я после работы в «Яме» до трех часов ночи его изучал, – обезоружил меня сын.

Я понял: после такой закалки он нигде не пропадет. Так и случилось!

В совершенстве овладел английским, французским, стал заниматься бизнесом, сейчас ему уже помогает дочь Анастасия – выпускница Монреальского университета.

Израиль – страна маленькая, многие за границей расправляют свои крылья.

«В Ашдоде слишком много олим хадашим, и тяжело с работой. Где нам найти пристанище, чтобы не быть, как перекати-поле?» – читаем очередное письмо от брата Якова из России.

**Январь 1993 года.
Самария**

Дорога, поднимавшаяся все выше, уходила дальше на север. После поездки в арабский город Умм-эль-Фахм, я отправился в Самарию. К поселенцам. Шоссе на одном из участков разветвлялось на два рукава: один уходил в сторону Иерусалима, второй – в Самарию, которая в ходе шестидневной войны 1967 года была занята Израилем. Арабские страны и ООН считают Самарию оккупированной территорией, а Израиль – спорной. Потому, что еще в девятом-восьмом веках до нашей эры город Самария (Шомрон) был столицей Израильского царства десяти колен. И никакого Палестинского государства здесь в помине не было. Точно так же, как и в Иудее. Но мир назвал Иудею – Западным берегом реки Иордан, чтобы выкорчевать всякое упоминание о евреях. Если сегодня оспаривается право евреев на Иерусалим и на Стену Плача, то кому нужны утверждения о существовании иудейского государстве царя Омри в далекие времена?

Ну, а израильтяне, не вступая в дебаты (все равно, мало тех, кто нас услышит), пишут новую историю, надеясь на то, что когда-нибудь все решится по справедливости.

Думаете, это высокие, пафосные слова? Совсем, нет! В начале семидесятых годов прошлого века сюда, на гору Кабир пришла группа людей, пожелавших здесь заложить поселение.

Бени Кацовер – один из них. Он чем-то напоминает библейского старца. Седой, высокий и подвижный, ведет нас на самую высокую точку поселения. Отсюда хорошо просматривается арабский город Шхем и Иорданская долина. Некогда безжизненная, желтая и сухая, она благодаря поселенцам превратилась в цветущий рай.

Бени не согласен с тем, что их называют поселенцами.

– Мы вернулись через тысячелетия не просто в Самарию. Мы вернулись в библейский надел. Господь, явившийся здесь Аврааму сказал: «Твоему потомству эту землю отдам». И пошел наш праотец Авраам по стране... до Элон-Море, где построил жертвенник Господу.

Жаркие споры о поселениях, которые якобы являются препятствием к стабильному миру, не прекращаются ни на день. В Элон-Море, как и в других поселениях, возникших на высотках Самарии, наоборот считают, что эти поселения, как раз и есть путь к миру. Арабы из окрестных сел получили здесь работу. Но для европейских «миротворцев» и их израильских пособников, эти поселения – как бельмо на глазу. А что вы хотите, если еще в 1991 году врач, человек самой мирной профессии, не постеснялся сказать, что «евреев нужно сбросить в море».

Мы возвращались на «Большую землю» прежней дорогой, но уже не прежними. В арабском городе Умм-эль-Фахм мы ощутили враждебность, а в еврейском поселении Элон-Море, наоборот, стремление к миру с соседями и тепло, излучаемое поселенцами.

Впереди был Тель-Авив, а Элон-Море оставался на самарийской высотке одинокой точкой в окружении недружественных арабских сел...

***Февраль 1993 года,
Ашдод***

Батя размахисто пишет. На столе большая пачка писем в конвертах.

– Опять кого-то зовешь в Израиль? – подает голос мать.

– Тебя привезли? Радуйся!

– А тебя не привезли?

– Нет, я сам приехал! Если бы не ваши узенькие лобики, я бы давно уже был здесь!

«Узенькими» лобиками» Батя называл всех, кто раньше его не понимал и не поддерживал. Поэтому, добравшись, наконец, до Израиля, он отправляет письма родным, знакомым и просто чужим людям, объясняя, что не стоит задерживаться с отъездом.

– Собираю свой народ, – обычно отвечал тем, кто интересовался, чем он так занят.

– «Сохнут» в действии, – смеялся внук Дима, сын Якова.

Батя обнял его за плечи:

– «Сохнутовцы» работают в столицах и в крупных центрах. В наши Климовичи и в другие небольшие городки никто из них не доедет и не дойдет.

– Кто-то должен вести за собой? – вступает в разговор мама.

Батя не понял: шутит она или всерьез – но уже вскрывает новое письмо.

– Господа репатрианты! Лед тронулся, – читает первые строки от Геры и Симы Залманенок:

«Ваше письмо нас так воодушевило, что мы решили ехать! От него повеяло чем-то родным, близким: бекицер⁷³ собираем документы и, если черт не попутает, где-то через полгода, встретимся. Брать ли с собой одеяла и подушки?»

Платят ли пенсию инвалидам детства? Наша дочь Маша имеет инвалидность. Евреи из маленьких городков, как мы, не привыкли к большим переменам. Может, нашим девочкам повезет?»

Вот такие были вопросы, а ответы на них дала сама жизнь. Маша вышла замуж, ее старшая дочь, Рахель, служит в боевых войсках Туда же хочет пойти служить и младшая Сапир.

– Я в Беларуси жила и ходила, чтобы быть менее заметной, а моя Рахелька с автоматом. Ой вей! – восторженно улыбается бабушка Сима.

⁷³ Короче (идиш).

**Март 1993 года,
Ашдод**

Меня уволили. Об этом вдруг сообщил директор крупного завода «Яфора». Вначале я даже не понял, почему он вызывает меня в свой кабинет. Раньше я такой чести не удостоивался. Где он? И где я, рядовой грузчик?

– Вдруг ему перевели мою газетную статью, в которой я рассказывал, как предприятие помогло в работе десяткам новым жителям страны, и директор решил лично поблагодарить меня за это.

– Ата беседер?⁷⁴

– Беседер!⁷⁵

– Мецуян! Ата мефутар!⁷⁶

– Уволен?..

Без всяких объяснений, просто так взял и уволил? А я в стране – без году неделя. Жаль, конечно, обеды были классные. Но не умирать же? Оформлю пособие по безработице, найду что-нибудь другое.

– Не пропаду, не про-па-ду, – крутил педалями велосипеда новый безработный, то есть я.

– Видел объявление в страховой компании? Ищут новых сотрудников. Попробуйся, – сообщил мне брат Гриша через день.

– Что ж, попытка – не пытка.

– Кем работал? – интересуются в Тель-Авивском офисе.

– Грузчиком.

– Иди и грузи дальше.

Я поплелся к дверям.

– Кто по специальности?

– Журналист.

---

⁷⁴ У тебя все хорошо?

⁷⁵ Хорошо!

⁷⁶ Прекрасно! Ты уволен!

– Останься, поговорим.

– Поговорим...

Я, так мечтавший вернуться в журналистику, даже и не помышлял о страховой деятельности. Заставила суровая действительность. Тысячи людей приходили тогда в страховые компании. Многие уходили сразу же, некоторые оставались. Вот и я остался. Привык? Нет, полюбил. Страхование – огромный интересный мир. Он увлек меня, заставил серьезно взглядеться в новую профессию. Для этого нужно было получить разрешение от Министерства финансов на работу. Но, прежде, всего сдать экзамены на иврите.

Нелегка, ты, шапка Мономаха! За короткое время нужно правильно ответить на множество билетов из пяти вопросов. Методом тыка не получится!

– У нас нет другого шанса, – убеждает меня Аня, – без ришайона⁷⁷ ты не сможешь работать дальше. Нужно просто победить себя!

Говорить-то легко...

Подшло время отпуска: взял с собой целый чемодан книг на иврите для будущих экзаменов по страхованию. Мои новые друзья весело отдыхали на природе, а я преодолевал страничку за страничкой. Вдруг стало все понятно, интересно и даже захватывающе!

Десятки экзаменов я сдавал в университете, и там было не легче. А здесь главное – вникнуть в суть вопроса. Иврит – язык логики, одно слово дает ключ ко второму. Только, где найти тот «ключ» к каждому вопросу, если так быстро тикают часы? И я нашел. Не зря, видимо, прочитал и проработал все, какие были, учебные пособия для будущего экзамена.

Открыл свой офис. С той поры прошло почти двадцать лет.

По моим стопам пошли дочь Женя и зять Марк, внуки Лея и Бени. Сегодня у нас два офиса. Мой младший внук

---

⁷⁷ *Диплом, разрешающий заниматься той или иной деятельностью в Израиле*

Бени учится в Академии страхования. Хотите знать, как все начиналось?

...На раздумье у меня оставалось всего несколько минут. Вчера позвонили из «Яфоры», откуда уволили раньше и предложили постоянную работу в цеху. Еще восемь месяцев назад, работая здесь грузчиком на складе, я так о ней мечтал! Где еще найдешь подвозку, питание, обмундирование, все социальные условия? Но за прошедшее время ситуация изменилась: я начал заниматься страхованием. Только ведь еще в самом начале: ни лицензии, ни офиса, ни клиентов?

Стою, размышляю: что лучше, синица в руке или журавль в небе? На заводе более-менее стабильно, а пойдешь на вольные хлеба – сухарику будешь радоваться? За мной – семья, банковская ссуда.

– Ефим, идем обедать! – зовет меня Аркадий, тоже обратно приглашенный после увольнения.

Приятно поскрипывает новая одежда, удобно ногам в хороших ботинках. Смотрю на себя в зеркало, как жених молодой!

– Прощай, старое разбитое корыто, или снова здравствуй? – вспоминаю известную сказку.

Скорее, всего: здравствуй...

Складываю на скамейку новое обмундирование, опять одеваю старую одежду и направляюсь к выходу.

Чувствую за собой недоуменные взгляды друзей.

– Еф-фим! – бежит вслед Аркадий, – ты что делаешь? Больше такого шанса у тебя не будет.

Не оборачиваясь, выхожу на улицу.

– Дружа-велосипед, тебя еще не увели?

Нет, он стоит на месте! Не зря я его намертво прикрутил цепью, да еще амбарный замок навесил!

Ну, и где вы, олим хадашим? Что вам рассказать о страховке жизни? Кто мне поверит, что несую людям правду и

только правду? Если будете оценивать по одежке, т. е. по моему нереспектабельному виду (откуда он будет, если в поисках вновь прибывших, я гоняю велосипед по городу, а до этого еще день работаю), то даже разговаривать со мной не пожелаете. Ну, нет у меня времени прихорашиваться, одевать белую рубашку с галстуком, вести долгие разговоры, как другие начинающие агенты.

Лучше-ка я заверну на предприятие, где работает много олим хадашим. Может, временно и для меня найдется там местечко?

К работе – не привыкать, быстро знакомлюсь. В перерыве начинаю разговаривать о страховании.

– Давай не сейчас! Придешь вечером, соберу семью – на тебя посмотрим, послушаем, – предлагает Алекс, приехавший из Узбекистана.

Я меньше говорил, больше смотрел в глаза – усталые, на руки – изможденные. Мы хорошо понимали друг друга.

– Полис по страхованию жизни – это основа основ в западном мире, – объяснял я во время первой встречи.

А потом была вторая, третья, четвертая...

Чаще всего они были безрезультатные.

– О какой жизни ты говоришь? Мы не хотим думать, что будет потом. У нас сегодня не хватает денег на самые простые вещи, – часто слышал в ответ.

– А если дам работу?

– Посмотрим!

Назавтра я колесил по промышленным зонам в поисках рабочих мест, а через день привозил туда своих знакомых. Через месяц большинство подписавших полиса их отменяли...

– Зачем они нам? Мы уже работаем, – говорили люди, не понимая, что остаются полностью не защищенными, а это для семьи – настоящая катастрофа.

А потерять кормильца – не катастрофа? Еще какая! Ведь олим хадашим шли на самые тяжелые и самые опасные работы.

– Ефи-и-и-м, наш Николай разби-л-л-ся, – навзрыд рыдала Софа из Ашкелона. Через какое-то время я привез ей чек на 300.000 шекелей от страховой компании. Конечно, он не вернул мужа и отца семье, но помог выстоять. И дети окончили школу и институты. Дочь стала руководителем отделения одного из банков, сын открыл свой бизнес. Софа растит внуков, старший из которых, Николай, как и его дедушка...

После того случая я еще раз убедился в важности своей работы, а совсем незнакомые люди мне стали доверять больше.

Через 25 лет в мой офис как-то зашел седой человек с молодым парнем.

– Ты меня не помнишь? Я у тебя страховку сделал. Потом отменил. Мой внук купил машину. Я ему сказал: «Пойдем к Ефиму».

Таких благодарных встреч было много. Те, кто ушел в самом начале, возвращались через годы.

Многие из приехавших открыли в Израиле компании, сделали крупные научные открытия, стали известны. Врачи из бывшего Советского Союза подняли израильскую медицину на мировой уровень. Компьютерщики из «ми Русия» раскрутили израильский хайтек, сделали его ведущей отраслью экономики. Второе дыхание получили школы, банки, заводы, ракетная и авиационная промышленность, страховые и туристические компании. Везде вместе с детьми и внуками старожилы работают наши дети и внуки. Им не нужно было начинать с грузчика, как я...

«А нам с чего начинать?» – спрашивал мой брат Яша в письме из Перми.

– Напиши, страна поможет. На улице никто не спит, и без хлеба не сидит, – диктовал отец.

– Тебе только бы с места его сорвать. Там у детей квартира, дача. Сын – начальник цеха авиационного завода, жена – преподаватель. Вдруг здесь не устроятся? – ужасно волновалась мама.

– Устроятся! Хуже не будет, – не сомневался оптимист Батя.

Через неделю пришло от брата новое письмо:

«У вас трудно, а где легко? Скоро нашей зарплаты и пенсии родителей не будет хватать даже на пропитание.

Сама жизнь предлагает нам сделать выбор: оставаться в России, быть оторванными от всех, или уехать в неизвестность?

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

ГОДЫ ДЕВЯНОСТЫЕ – НЕПРОСТЫЕ

Ноябрь 1995 года

В Израиле очень метко дают название той или иной группе новоприбывших: «марокаим», «тайманим», эфиопим», «русим». Вы догадались, что первые три – от названия страны исхода- Марокко, Йемен, Эфиопия? Что же касается четвертой, то к ней относят всех, кто разговаривает на русском языке.

Если сказать, что нас приняли «на-ура», значит, покривить душой. Все увидели, что можно хорошенько нажитья. Под сдачу вмиг пошли самые хилые квартиры, взвинтили цену торговцы магазинов. На работе платили мизерную оплату.

– А мы, что говорили?

– Говорили: Америка нам поможет!

Помогла!

Госпожа - Америка выделила десять миллиардов долларов в виде займа на обустройство миллиона репатриантов. Но на каких условиях?

Дымя сигарой, дядя Сэм сказал своему бедному племяннику, то бишь Израилю, примерно так: «Деньги в обмен на мир с палестинцами».

Не знаю, они достали великую державу, или арабские страны на нее надавили, только, к сожалению, в политику вмешали далеко идущие помыслы.

Ицхак Шамир тогдашний премьер- министр страны, оказался крепким орешком: не шел ни на какие пряники.

– Тем хуже для него, – потирали руки в оппозиции, – мы возглавим правительство. Баснями о мире, купим голоса новых репатриантов.

Купили?

Купили!

А мы повелись. Помните, какой мирный рай они обещали нам в наших краях?

Хотя до этого израильтяне ездили в Шхем, Вифлеем и другие арабские города посидеть в их кофейнях, побродить по рынкам. Если и были какие-то трения, то не массовые. А теперь: баста! Замахнулись на большее, а получилось, словно, слон вошел в посудную лавку...

Лозунг: «Ицхак Рабин принесет мир», не сработал! Все полетело кувырком.

Заоблачные фантазии оказались далекими от земной действительности. Арабский террор пришел на улицы Израиля.

– Это жертвы мира, – без тени сожаления говорили власти о погибших и раненых, считая свое мнение истинным.

Тех, кто не соглашался с таким кощунственным утверждением, называли фашистами.

Но не будем свои головы посыпать пеплом из-за того, что «русские» голоса помогли Рабочей партии прийти к власти. Решающую роль на выборах 1992 года сыграли арабские избиратели. У них был свой интерес: вернуть в большую политику «Аводу», дабы та не противилась перемирию с ООП. Непрозрачная политика вкупе с большими деньгами изменили политическую ситуацию в стране.

А дальше нужно было отрабатывать американскую помощь. Без народного референдума и разрешения правительства, начались переговоры с Организацией Освобождения Палестины. Хотя контакты с ней вообще были запрещены в Израиле.

Масло в огонь подливали палестинцы, продолжая убийства и кражи израильтян.

– Когда заключим мирный договор, теракты прекратятся. У нас будет договор с Арафатом, – заговорщики, наконец раскрылись перед Ицхаком Рабиным.

Госпожа, История, почему ты вообще даешь генералам функции политика?

Жизнь – ведь не атака: она сложнее. Политик Рабин, извините, оказался слабее генерала Рабина. Иначе, бы он за нарушение Закона о переговорах с ООП, посадил переговорщиков в тюрьму. И этим самым от будущей смерти спас бы не только тысячи израильтян, но и... самого себя. Но случилось то, что случилось.

...В ночь с 18 на 19 августа 1993 года, когда израильтяне тихо спали в своих домах, произошло...непоправимое.

Еврейские экстрасенсы, вещуны, гадалки, где вы были, когда заключалось Соглашение в Осло?

Тоже спали?

Вместе мы и проспали Осло. Историки назовут его еще более позорным, чем мюнхенское. Говорят, что американцы, узнав о соглашении в Осло, были изумлены. Но их уже поставили перед фактом. Так закончился этот провальный этап истории Израиля уже на наших глазах.

Позже правительство Израиля пригласило в Газу Арафата, надеясь, что он будет бороться с террором. В мае 1994 года его вооруженные молодчики прибыли в Газу, а сам Ясир Арафат, укрывшись своей куфией, загадочно улыбался миру...

– Зачем вы это сделали? – спросили у меня позже в Вифлееме, куда я заехал в составе туристической группы.

– Что это?

– Арафата привезли? – посмотрев по сторонам, дополнил мой собеседник. – Сейчас вы приезжаете к нам свободно. Но скоро это закроется, всем будет плохо, только им хорошо, – показал головой в сторону марширующих людей в военной форме.

Большая колонна новых палестинских полицейских шла по улице.

Вчерашние воры рецидивисты, убийцы, стали гвардией Арафата, а он – легитимным в мировых столицах. Его куфия замелькала от Москвы до Вашингтона. Никакого Нового Ближнего Востока и в помине не могло быть, ибо Арафат дурачил мир. Ну ладно, Европа и Америка хотели поверить ему. Так уже надоело быть арбитрами между Газой и Иерусалимом. Но, как умудренные опытом наши политики, не могли не понимать, что Арафат их просто... разводит?

Третий этап был стремительнее двух первых. Арафат не скрывает, что «мирный процесс» – это постепенное уничтожение Израиля, а наши политики не останавливают «поезд», идущий в пропасть?

Для этого им нужно было признаться народу в своей аванюре, потерять власть и сойти с политической сцены. Но как тогда жить без привычной славы, денег, положения, приема в мировых столицах?

...Мой отец хватался за голову, наблюдая по телевизору, как Рабин и Пересжимают руку Арафату на лужайке перед Белым домом:

– Обнимаются с преступником, который убил тысячи евреев? Я поверю в мир, только тогда, когда за него будут призывать в Газе. Пока к нам оттуда приходят только террористы и постоянные угрозы», – комментирует телевизионный репортаж, мой отец.

– Батя, ты не понимаешь! Мир меняется.

– Господи! Почему ты отнял разум у твоих сыновей? Почему ты не видишь, что твой народ ведут к новым могилам?

Мать прикрикнула на него: «Не каркай, много понимаешь».

...Четвертое ноября 1995 года.

Площадь Царей Израилевых. На ней более 150 тысяч человек: происходит какая-то вакханалия: пламенные речи, призывы, песни. Вся масса людей так намагничена, что готова хоть сейчас идти брататься с палестинцами, как русские с американцами на Эльбе.

И в эту минуту четко гремят выстрелы: полное оцепенение. Мы видим по телевизору, как Ицхак Рабин пошатнулся и охрана бросается к нему.

Мы – в оцепенении...

Вот такие были наши годы девяностые – непростые.

...За прошедшее время страна разительно шагнула вперед. Стало меньше проблем с трудоустройством – даже не хватает людей на обычные работы, приезжают из Украины, Молдавии.

Привезенные нами наши дети, обогатили страну достижениями в спорте, культуры, научных разработках. И я напрасно переживал из-за этого.

Возвращаются обратно, уехавшие из Израиля в начале девяностых. Это я отчетливо вижу, когда общаюсь со своими новыми посетителями по страхованию.

– У меня израильские права с 1992 года, но стажа водительского нет. Уехал на Украину, вот опять вернулся, – сообщает один.

– Я родился в Израиле. Ребенком меня увезли в Россию. Приехал уже с женой, – говорит второй.

Вы даже не представляете, как увеличился поток новых репатриантов и, особенно из Украины. Среди них немало прежних граждан Израиля, которые сожалеют о том, что не только не помогли стране подняться на ноги, но и потеряли время для себя.

Несколько снизила свой накал политическая борьба. «Русские» не стали силой, растворились в общей массе. «Левые» настроения потеряли популярность среди населения, в настоящий мир с арабами верят только те, кому хорошо платят европейские миролюбцы.

В одиночной камере уже 25 лет сидит убивший Рабина Игаль Амир, а в ожидании с очередным свиданием с ним постоянно находятся его жена Лариса и сын.

Какой сюжет для политического романа, исторического расследования, боевого триллера, любовной эпопеи по отдельности! И все сразу вместе!

Репатриантка из бывшего Советского Союза, бросила вызов властям, окружающим ее людям. Имея двух взрослых дочерей, она воевала вначале за право быть женой заключенного, а потом – матерью его сына. Наполовину ашкенази, наполовину – сфарадим, он одними люто ненавидим, а вторыми – опекаем...

Еврей не должен убивать еврея. Это – аксиома!

Достаточно того, что нас убивали и убивают другие. Мы продолжаем здесь жить, как на пороховой бочке. Часто думаю: понимали ли мы в 1990 году, куда мы едем и что здесь ждет наших внуков-правнуков?

Тогда я часто задавал себе вопрос: «Мы здесь родились»? Нет!

Тогда почему, если даже нет душевного спокойствия, у нас нет никакой паники?

Не хватает денег на жизнь? Можно увеличить минус в банке.

– Какой минус? – не понимают недавно прибывшие в страну.

Отшучиваюсь:

– Минус на минус, что дает? Плюс. Это понятно?

И действительно минус на минус давал... плюс. Иначе, как объяснить тот факт, что многие из приехавших с чемоданами да баулами, со временем приобрели новые квартиры и машины. Появились богатые родственники? Нет, государство помогло со льготными ссудами. Только мы и сами были, как говорят, с усами.

Втягивались, как лошади, в самую тяжелую работу, в ночные смены. От севера до юга страны вырастали повсеместно новые кварталы. В них теперь живет алия 90-х с детьми и внуками, которая как-то решила квартирный вопрос. Одни приобрели жилье, вторые переехали в хостелы, третьи посе-

лились на съемных квартирах. Например, большинство моих родных и знакомых живут в своих, уже выплаченных квартирах, что казалось невероятным во время их приобретения.

Но уже вырисовывается новая проблема: наши дети, а внуки и подавно, не в состоянии приобрести жилье, стоимость которого возросло до двух-трех миллионов шекелей. Льготные ссуды, которые мы получали, им уже не положены. Заработать такие деньги немыслимо.

Вспоминаю, как вывозили своих малышей из Шереметьево, надеясь на то, что в Израиле им будет лучше? Ну и что? Повторилась вторая серия. В 90-е годы наши родители делили квартиры с детьми, а теперь мы их делим – с повзрослевшими уже детьми. Они – в свою очередь – с выросшими внуками. Как и раньше, под одной крышей два-три поколения, и маленькие дразги нередко отравляют жизнь. Зато процветают всяческие конторы по предоставлению эмигрантских услуг в Канаду и в страны Европы, куда растет поток «русских» израильтян. Там и жилье дешевле, и оплата труда выше.

– Отсюда всегда уезжали люди с более высокой мотиваций, с амбициями. Одним везло больше, другим меньше. Приезжают другие. Страна продолжает свой путь дальше, – это я хорошо понимаю!

А вот и другое мнение: «русского» израильтянина, уехавшего отсюда в Канаду:

– Если бы я мог вернуть 25 лет назад, я бы еще хорошенько подумал уезжать отсюда или нет? Израиль – очень теплая и позитивная страна. С точки зрения безопасности – одна из лучших в мире. Очень маленькая вероятность, что ракета, выпущенная из Газы, попадет, например, конкретно в меня? А теракты? Они сейчас по всему миру. У вас прекрасные пляжи – таких нет нигде! Ваши специалисты хорошо зарабатывают, я видел, какие новые жилые кварталы появились в Ашдоде. Одна из лучших в мире медицина! Я

считаю, что она на более высоком уровне, чем в Канаде! Не думайте, что где-то вас очень ждут.

– Мы не жалеем, что не уехали вместе с тобой. Нам здесь бээмет⁷⁸ хорошо, – говорят его друзья по олимповской молодости. – А за правду – спасибо! Может быть, теперь наш сын послушает тебя, а то уже на Америку лыжи наострил. Думает: там все медом намазано...

---

⁷⁸ Действительно.

ПЯТАЯ ГЛАВА

«У НАС ОПЯТЬ ВОЙНА»

Декабрь, 2008 год.

Ашдод

Мама уединилась в комнате. На стене – портрет нашего отца Давида. Уже год, как его нет с нами, но мама всё никак не привыкнет. Разговаривает с ним, как с живым.

– Батя, у нас опять война. Кто стреляет? Газа стреляет.

Не раздеваясь, она прилегла на кровать. Руки сложила поверх одеяла.

Глаза открыты: в них ожидание.

– Мама, поспи, отдохни. Будет сирена, я помогу встать и выйти в коридор.⁷⁹

– Ты знаешь, сколько летит ракета из Газы до нас?

– Знаю, 30 секунд.

– Можем не успеть. Ты знаешь, как я хожу?

– Знаю: шесть километров из Михалина на силикатный завод, где твоя четвертая школа, и шесть километров обратно. Меньше часа в одну сторону и столько же обратно.

– Когда это было!? В мои-то годы каждый шаг как километр.

– Спи, мама, спи! Сирены не будет.

– Ты уверен?

– Мне позвонили из Газы и сообщили, что сегодня бомбить не будут.

– Шутишь? Это наши сбрасывают листовки, предупреждают о бомбежках и просят мирное население покинуть дома. А они? Они шлют ракеты на наши дома. Хотят убить всех.

– Мама, где ты научилась так говорить?

---

⁷⁹ В нашей квартире нет защитной комнаты, бомбежки переживаем на лестничной площадке.

– У нас скоро и стены заговорят.

Ночь прошла тихо. Утром подхожу к кровати, а мамы уже нет. Она на кухне. Спокойно пьет чай.

– Мама, ты же так боялась?

– Да пошли они... Я в открытом поле под бомбежками выжила.

– Что-то я никогда не слышал об этом.

– Сейчас вот и вспомнилось. Наш эшелон разбомбили немцы. Я бросилась в поле, спряталась в воронку. Вижу, сел немецкий самолет. Вышел летчик в шлеме и злобно ухмыльнулся. Наши взгляды встретилась. Я кричу, кричу: афинстер ер, афинстер ер, афинстер ер⁸⁰! И держу впереди себя кулачки.

– Так он испугался тебя?

– Конечно!

– Может, увидел молодую, красивую, с черными косами, и пожалел?

– Пожалел. А вот эти... не пожалеют.

Я уехал на работу, оставив маму на Аню. Знаю, где бы Аня не была, во время тревоги сразу побежит к маме: «Ирина Давыдовна, вы где?»

От моего дома до работы ехать на машине минут пятнадцать-двадцать. Определяю маршрут.

Если добираться по шоссе, с двух его сторон нет никаких построек и нельзя нигде укрыться во время обстрелов. Но зато можно ехать быстрее. Если ехать там, где есть защитные дома, путь дольше. Решил ехать по шоссе. Небо серое и тревожное. Если ночью не бомбили, значит, ракеты сегодня прилетят? На улице мало прохожих, только – машины. Проехал уже полпути.

– Пронесет, не пронесет? – гадаю, как в детстве.

---

⁸⁰ Черный год для тебя (с идиш).

И вдруг – сирена! Куда? Вокруг ни одного здания. Под ее дикий вой вылетаю из машины, пробегаю несколько метров и падаю на землю лицом вниз, обхватываю руками голову. В ту же минуту раздался страшный взрыв. Меня оглушило? Лицо всё в земле? Ощупал себя: руки-ноги на месте? На месте.

Позади страшно ревут пожарные машины, «скорая помощь» пролетает мимо меня. Мама родная! Куда они все? Бегу туда же. На автобусной остановке, разбросав руки в стороны, лежит окровавленная женщина. Рядом исковерканная машина, в ней и вокруг – раненые. За несколько минут изменился весь окружающий мир: обломки исковерканной автобусной остановки в кювете, все обгорелое, черное. Полиция отгородила часть улицы и просит всех отойти. Буквально десять минут назад я пролетел мимо этой автобусной остановки. Все было по-другому, на ватных ногах побрел к машине.

...В тот день в наш Ашдод, который в 35 километрах от Газы, прилетела ракета российского производства и убила мать четверых детей, тяжело ранила ее сестру, которая на миг задержалась в машине, и еще восемь человек.

На работе без перемен. Мои сотрудницы принимают звонки, работают с клиентами.

– Что это с вами? – спрашивает одна из них, увидев мое поцарапанное лицо.

Видимо, от острых камней, когда упал на землю, но я отшучиваюсь:

– А-а, бандитская пуля...

Уже несколько дней продолжаются обстрелы из Газы. Привыкнуть к этому нельзя, но жизнь не останавливается и продолжается, как будто ничего не изменилось. Война войной, а работу никто не отменял.

В Израиле многие на машинах. И многие водители обращаются к нам за оформлением страховых полисов.

– Несколько человек ждут вашего звонка, – сообщила моя сотрудница.

– Хорошо! Но вначале чашку кофе. – Кофе допить не успел: опять сирена. В здании уже спокойнее – все выходим в коридор, где я допиваю свой кофе.

– Шлёма, лама ата ло яцата ми мисрад бе зман азака?⁸¹

Шлёми, адвокат, служил в боевых войсках. Ему эти ракеты, как назойливые комары.

– А-а, – махнул он рукой, – даже если и попадут в наше здание, то с противоположной стороны. Меня не заденут.

Снова глухой удар.

– Мимо или попали?

– Ракета упала в центре города. В доме возник пожар, – узнаем из сообщений.

– Жертвы есть?

– Жертв нет!

Ашдод становится пограничным городом, как и Ашкелон, Сдерот и Нетивот. В нашем районе даже бабушки, сидя на скамейках, советуют друг другу, где лучше находиться во время тревоги.

Мама слушает новости по телевизору, рядом стоит алихон⁸².

– Если будет сирена, может, мне выйти в сад? Это ближе.

– Нет! Я тебе помогу выйти в коридор. Там я уже поставил для тебя табуретку.

Ракеты из Газы бомбили нас с 28 декабря до 18 января 2009 года.

14 ноября 2011 года.

Ашдод

Сегодня два радостных события: день рождения нашей Жени и 21 год, как мы живем в Израиле.

⁸¹ Шлёми, почему ты не вышел из офиса во время тревоги?

⁸² Вспомогательное приспособление для ходьбы.

Сколько же всего пережито за это время нашей семьей?

Выдавали замуж дочерей, женили сыновей, хоронили любимых и родных людей – нашего Батю, маму, брата Леню. Отмечали получение израильских дипломов, дни рождения внуков.

До сих пор не пойму, как Женя смогла совместить учебу в университете с рождением троих детей?

– Помнишь лозунг Бати: «Не пиццать». А я – его старшая внучка, – коротко и ясно объясняет она.

А я про себя подумал: говорить – одно, а уметь не пиццать – совсем другое!

Утром встретились и тут же разбежались на работу. Договорились, что зайду вечером – живем же рядом.

Но днем точечным ударом на постоянные обстрелы из Газы израильяне уничтожили главу военного крыла Хамаса.

– Срочно приводи детей к нам, – звоню дочери, предчувствуя ответные ракетные удары из Газы.

Женя с семьей живет на последнем этаже. Не дай Бог, если ракета попадет на крышу... Мы все-таки на первом этаже – можно выбежать на улицу, есть общая защитная комната.

Ровно в четыре часа дня и сорок минут начался обстрел из Газы.

Опять сирена, опять и опять...

– Сколько можно? – Мама смотрела на меня глазами, полными ужаса и страдания.

– Не знаю, мама.

К вечеру интенсивность обстрела усилилась. Наш Аш-дод в очередной раз стал боевой мишенью, как и соседние города. К счастью, многие ракеты падали на пустыри или их перехватывал «Железный купол»⁸³.

Как мы это пережили? Было непросто, но на трех этажах нашего административного корпуса, все офисы работали – как работали все заводы и магазины. Дети ходили в детские

⁸³ Система обороны.

сады и в школы. Во время обстрелов мы прятались в подъездах, коридорах и защитных комнатах. Как только сирена замолкала, снова начиналась обычная жизнь.

– Ефим, в России был «Цева Адом»⁸⁴? – спрашивают у меня внуки.

– Нет.

– Лама ата бата ми Русия ле Израиль? Шам ейн милхама?⁸⁵

– Шам ло охавим егудим.⁸⁶

– По кулам охавим? Анахну ло йодим, леан ливроах ми ахава казот.⁸⁷

– Еще мой отец рассказывал, что в Палестине убивают евреев. Здесь все время так, – объяснила бабушка Ира.

Внуки ничего не понимают: раньше была Палестина – убивали евреев, теперь Израиль – тоже убивают? Опять арабы? За столько лет ничего не изменилось?

Поздний вечер. За двадцать минут по нашему Ашдоду было выпущено десять (!) ракет, за день – более пятидесяти. Хорошо, что в новых домах есть «хедер битахон»⁸⁸. В старых постройках таких комнат нет. Куда бежать во время взрыва ракет? Только в коридор- на лестничную площадку.

Мы привыкли к пронзительному вою ракет? Нет. Мы к ним не привыкли. Даже к зубной боли можно привыкнуть, но только не к вою сирен и не к ракетным обстрелам.

Что делать с Газой? С этой острой зубной болью? Чтобы контролировать и сдерживать террор, наши войска вошли в Газу. Чтобы ослабить напряженность, вышли из Газы. Так потребовал мир.

Помню, как об этом с трибуны ООН говорил премьер-министр Израиля Ариэль Шарон и как зал горячо аплодировал ему. Ну и что? Палестинцы поддержали нашу ини-

---

⁸⁴ Сирена.

⁸⁵ Почему ты приехал из России в Израиль? Там нет войны?

⁸⁶ Там не любят евреев.

⁸⁷ Здесь любят? Мы не знаем, куда бежать от такой любви.

⁸⁸ Бетонная комната безопасности.

циативу? Стали выращивать овощи и цветы в оставленных Израилем теплицах? Нет. Они подтянули ракеты поближе и начали обстреливать наши города с более близкого расстояния.

– А как же израильская мирная инициатива? Кто ее подержал?

– О чем вы?

– Все страны сразу же о ней забыли.

Я чувствовал себя виноватым перед мамой, что привез ее в Израиль. Она и так сюда особенно не рвалась, а тем более... под ракеты. Вижу уставшую Аню. Когда мы летели в Израиль, в ее глазах была надежда, а сейчас – отчаяние и страх.

– Русим осим тилим ве нотним ле аравим. Хем озрим ле аравим. Тагид, лама ло озрим лахем? Анахну гам русим?⁸⁹ – ничего не понимает моя малышня.

В эту минуту взревела новая сирена. Я выталкиваю детей в коридор и прижимаю их к себе.

21 января 2012 года подписано перемирие о прекращение огня. Надолго ли?

22 апреля 2018 года.

Ашдод

– В наш дом приплыло облако шаров, в центре которого два шара в виде двух двоек!

– Это афтаа для Ёни, – говорит Лея, моя внучка.

Понятно! Сюрприз для него! Он нам тоже подарил сюрприз, родившись двадцать второго апреля, как... Ленин. Только уже в Иерусалиме и через много лет. Всегда при случае мы шутили об этом.

---

⁸⁹ Русские делают ракеты и дают арабам. Они помогают арабам. Скажи, почему Россия не помогает вам? Мы ведь тоже «русские»?

Ионатан слушал, слушал, а потом и выдал: «Ло ихпат ли, мизе Ленин. Иотер тов, ше ху ло нолад⁹⁰».

Дожил, думаю, старый большевик?

Сколько курсов марксизма-ленинизма закончил, сколько проштудировал ленинских работ, а внук дал четкое определение «ленинизму»: «Лучше бы оно не родилось...», сколько бы ужасов удалось избежать.

Теперь и я в свои семьдесят понимаю то, что мой внук понял в десять лет...

А сегодня, 22 апреля, ему ровно двадцать два года! Очень приятное совпадение.

А Ионатан, или как мы зовем его Еня, еще не знает о том, какую афтау ему приготовили. Он по дороге из Иерусалима, где учится в институте искусств. Я в юности мечтал стать журналистом, а вот он – дизайнером! Я вам скажу, что поступить туда не просто, а тем более учиться!

Настоящий дизайнер обязан видеть мир по-своему. А пока должен научиться шить, кроить, десятки раз прокалывать свои пальцы в кровь.

– Блажь какая-то, – говорю я Ионатану. – Пошел бы учиться на какую-то конкретную специальность. Было бы легче зарабатывать на жизнь.

Ёня посмотрел на меня своими добрыми глазами из-под очков и сказал: «Ефим, ата ло мевин клум»⁹¹.

Может, и не понимаю?..

Точно, ничего не понимаю: ибо увидев, как Ени по своему дизайну сшил костюм английского короля Людовика, не поверил своим глазам.

– Почему ты его одел именно в такой костюм?

– Он же король! Аристократ! Своим внешним видом должен подчеркивать благородство, происхождение, знатность, – объясняет внук.

---

⁹⁰ Мне все равно, кто этот Ленин, лучше чтобы он (Ленин), вообще бы не родился...

⁹¹ Ефим, ты ничего не понимаешь.

Ионатан знает, что говорит: на его книжной полке сотни книг на английском языке и иврите. И все читаны-перечитаны!

– Шары плавают под потолком, а в саду идут последние приготовления.

Я тоже жду. Моих детей и внуков, их друзей. Они росли на моих глазах. Поэтому каждая встреча с ними – еще один повод для размышления о вхождении их в эту страну.

Спрашиваю у Адар – у которой мароканские и польские корни, подруги моего младшего внука Бени, – кто он для нее?

– Бени? Бени – хаим шели! Бени – жизнь моя!

Обнявшись, они стоят под тенью высокого оливкового дерева, которое я посадил в день рождения Бени.

А рядом – еще одно оливковое дерево, которое посадил для сегодняшнего именинника ровно двадцать два года тому назад. Это дерево Ени!

– Поздоровался с ним?

– Конечно! Я дал ему матану⁹²: целое ведро воды!

А Лея, моя старшая израильская внучка, дает им задание: «Э-эй, мыслители под оливами, сорвите несколько лимонов с моего дерева...».

Осенью 1993 года, когда она родилась, мы долбили ломом каменистую землю. Потом в лунку добавляли компост, хорошо поливали и даже не верили, что на этой земле вырастут деревья. Но чудо: они выросли! Лимонному дереву скоро будет двадцать пять, как и моей внучке!

В саду деревья в честь детей моего сына Игоря – моих внуков Настеньки, Каролины, Джастина и Джесссики.

Раскачивая ветвями, они уносят меня в прошлое. Благо, есть время поразмыслить, пока не пригласили к столу...

Мы родились и жили в настоящей империи с закрытыми границами.

---

⁹² Подарок

– Ло мевин! Как это нельзя выехать? Заказал билет, малон. Ве кадима, леан ата роце!⁹³ – вопросительно смотрит на меня именинник.

И я не понимал, как это русские писатели до революции свободно разъезжали по всему миру, жили в других странах, творили за границами – и оставались русскими писателями? Мое детство проходило в сталинское время, когда люди дрожали от стука в дверь, зная, что могут посадить без всякой на то причины.

– Был бы человек, а статья найдется. – Сегодня еще так говорят на просторах нашей бывшей Родины.

Моя юность выпала на затхлые годы брежневского правления, когда в пьяном угаре страна катилась под откос.

Многие из нас даже не подозревали, что слова из песни «... где так вольно дышит человек» были просто обманом, за которым скрывалась подлинная правда.

Какое счастье, что наши дети и внуки даже не знают эту песню!

---

⁹³ Не понимаю. Как это нельзя выехать? Заказал билет, гостиницу. И вперед! Куда хочешь!

ШЕСТАЯ ГЛАВА

УЕЗЖАЛ С БОЛЮ, ПРИЕЗЖАЮ С ЛЮБОВЬЮ!

*Июнь 2008 года.
Беларусь*

Почти через двадцать лет я впервые прилетел в Минск. Казалось бы, все мосты отрезаны, все прошлое поросло былью, но почему с такой радостью смотрю на пролески, дубравы, луга?

– Да это же Родина моя!

– Какая же она Родина, когда нередко чувствовал себя здесь ущемленным?

– Но если прилетел обратно, значит прошла душевная боль?

– Конечно прошла!

Росистая трава – шелковая и нежная, словно материнская ладошка. Чтобы не ступать по ней, выбираю лесную тропинку возле озера.

– Земляк, побежали! Не отставай, – вдруг обращается ко мне, пробегающий рядом человек.

Резануло ухо слово «земляк». Я ведь давно отсюда уехал.

– Знаю, знаю, что ты из Израиля: в санатории говорили о приезде вашей группы. Совсем не важно, сколько лет живешь за границей? Куда важнее, что родился здесь! Верно, земляк!

– Ве-е-р-но!

Подошел поближе, протянул руку:

– Будем знакомы – Николай Иванович!

Вечером встретились снова возле реки.

Кто-то принес баян, затянули песню.

И мое сердце растаяло. Сколько же лет я не слышал такую волшебную мелодию и эти слова:

«Эта ты мая, зорка ясная! Ты люблю моя, непагасная...».

С реки повеяло свежей прохладой, начал моросить мелкий дождик, но мы не расходились.

– Вот дает, земляк! Не забыл наши песни, – подмигнул мне Николай Иванович.

– Забыл! А вот увидел Беларусь, вспомнились и слова, и песни.

Вернувшись в Израиль, я стал их частенько напевать дома. Мой младший внук Бени слушал, слушал и однажды запел их вместе со мной. Да так, что все ахнули!

– Как ты запомнил слова?

– Слова запомнил! А мотив, вот он, где, – показал рукой на сердце.

Через несколько лет я с ним приехал в Беларусь. Работая над книгой, хотел показать внуку страну моих и его дедов-прадедов.

Встретились с друзьями, как это принято, посидели хорошенько за столом.

А что делают белорусы после хорошего застолья? Конечно же поют!

Затянула песню певунья Нина, ей начали подпевать Вика, Валентина, Ира.

– Какие чистые, какие прелестные голоса! – восхищаюсь я.

И вдруг Бени подталкивает меня в плечо:

– Ефим! Ефим! Давай и мы... споем!

Поднимается мой внук- сабра, израильтянин первого поколения. Сам светлый, как белая береза, глаза голубые, как небо белорусское и затягивает: «Вы шумите, шумите надо мной березы. Калыхайте, люляйте, мой напев векавы...»

И дальше, дальше...

– Выпьем за настоящего израильтянина, который так прекрасно поет белорусские песни, – не выдержав, поднялся с бокалом Анатолий, хозяин дома.

– А почему не за двух? Я ведь же тоже израильтянин, – шучу я.

– Ты – прежде всего наш! А теперь и внук твой, тоже будет наш! Правда, Бени!

– Нахон! – кивнул головой мой внук и сам перевел с иврита: – правда!

Люблю я приезжать в Беларусь, люблю – этого у меня не отнять.

А все началось с первого приезда, с первой встречи на озере, когда услышал:

– Э-эй, зем-ляк!

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

«БЕЛАРУСИМ» НИКОГО НЕ БОЯТСЯ

*Июль 2015 года,
Минск. Беларусь*

Со мной на земле моих и его дедов-прадедов – мой младший израильский внук Бени.

– Малец, передай деньги водителю, – обращается к нему какая-то женщина в автобусе.

Думаю, как поступит мой внук в чужой стране и в другой языковой среде? Малец спокойно берет деньги, передает их водителю и на чисто русском языке, без малейшего акцента сообщает, до какой остановки нужен билет. Потом такая же процедура со вторым пассажиром, с третьим (мы сидим на переднем сиденье). Никто даже не подозревает, что мой внук иностранец.

И вдруг Бени поворачивается ко мне с телефоном в руках и громко говорит на иврите:

– Саба, од паам милхама им аравим. Элоим шели, ракета упала в Ашдоде – ба ир шелану.⁹⁴

Бени в шоке от этой новости, а пассажиры в автобусе – от того, что паренек, так похожий на их детей, вдруг заговорил на непонятном языке.

– Нааг, таацор, автобус, таацор. Ани роце леиткашер ле има⁹⁵, – обращается к водителю.

Я знаю, что Бени, когда волнуется, всегда переходит на иврит.

---

⁹⁴ Дедушка, опять война с арабами. Бог мой, ракета упала в нашем Ашдоде, где мы живем.

⁹⁵ Водитель, останови, останови автобус, я хочу позвонить маме.

Водитель ничего не понимает, но я прошу его остановиться.

– Над нами не рвутся бомбы. Здесь такая тишина! Но как там в Израиле? – вопросительно смотрит на меня Бени.

– Все будет хорошо. Не в первый раз. У нас есть интернет, будем звонить домой.

В ответ на постоянные ракетные обстрелы из Газы, самая долгая и тяжелая операция «Нерушимая скала» длилась двенадцать дней. По Израилю выпустили более 4500 ракет. Есть погибшие, раненые, разрушения. В целях безопасности, авиакомпании отменили полеты в Тель-Авив. Прекратилось сообщение с Америкой, Германией, Россией. Нам улетать через несколько дней.

– Мы улетим? – волнуется мой внук, – не останемся здесь?

– Белорусы не русим! Они не боятся!

– Самые смелые?

– Да!

– Самые лучшие друзья?

– Самые лучшие!

...В назначенный день приезжаем в аэропорт. Без уверенности, что полетим. Все в напряжении. Но по расписанию объявляется регистрация пассажиров на рейс Минск – Тель-Авив. Никто в зале даже не верит этому сообщению. Очень трудно поверить: государства-великаны испугались арабского террора, а небольшая Беларусь нет?

– Кто дал команду лететь? – спрашивает внук.

– Как кто? – удивляется стоящий рядом человек. – Президент! Лукашенко!

Наш самолет прорвался через зону обстрелов вокруг аэропорта и благополучно приземлился в израильском аэропорту, взяв на обратный рейс новых пассажиров.

Боевые действия продолжались, а Бени всем еще долго говорил, что его семья больше не «русим», а «беларусим», которые никого и никогда не боятся.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

В МАЛИНОВОМ МИХАЛИНЕ

*Август 2017 года,
Климовичи, Беларусь*

Густой лес в зеленой короне застыл над зеркалом озера. Неброская, на первый взгляд, но такая милая сердцу, природная красота Беларуси.

Казалось бы, обнял все, прижал к себе эти перелески, туманы над озером, луга с серебристыми росами. Частичка моя, ты живешь здесь?

На этот раз со мной в Беларусь прилетели и жена, и дочь. Аня – во второй раз, а Женя впервые за тридцать лет.

Как я понимал ее душевное состояние! Моя дочь – мама троих моих внуков, вернулась в край своего детства. Когда-то она носилась здесь босиком по белорусским дорожкам, летом гоняла на велосипеде, а зимой летала по лыжне, обгоняя ветры.

– Наташка, помнишь, как мы с тобой играли в «классики»? – спрашивает у своей давней подруги.

– А ты, Женька, помнишь, как подарила мне шкатулку перед отъездом в Израиль?

Наташка... Женька... Наташка... Женька...

Обнявшись, сидят подружки: израильтянка Женька и белоруска Наташка.

Нет, неправда.

Они – сестры! Тоже неправда!

Они – ближе родных сестер!

Женя росла в семье одна, у Наташи был только брат.

Они – подружки с детства, и с детства – как родные сестры.

Это их была первая встреча после долгой разлуки.

Как горячо они бросились друг к другу, как долго всматривались в глаза и попеременно повторяли: Женька, Наташка...

Я не мог сдерживать слез. И Николай – муж Наташи, и сын Кирилл – тоже сильно расчувствовались.

Мимо проносились машины, проходили люди, а черноволосая Женя и светленькая Наташа, взявшись за руки, пошли по улице.

Все было, как раньше, как в детстве, только за плечами у них уже не было школьных ранцев...

* * *

Белые ромашки выбежали вперед, присели на корточки, посмотрели вверх и, увидев нас, радостно засмеялись.

Женя тоже засмеялась, протянула им руки навстречу: «Из какой вы сказки?»

– Из сказки по имени Михалин! – отвечаю дочери.

– Да-а, Ми-ха-лин, – ее лицо озаряет радостная улыбка.

Казалось бы, чему здесь восхищаться?

Пыльная дорога, по обе стороны домики. Один из них уже немало чего повидавший на своем веку – домик с заветной калиткой.

За ней должна быть скамеечка, на которой Женя сидела, размахивая ножками, а бабушка Ира ей подносила ложку с кашей ко рту, вспоминаю я.

– Домик ты меня помнишь, помнишь? – Женя подходит к калитке.

Глаза на мокром месте, вот- вот не выдержит...

– Есть здесь, хозяева?

– Что надо? – немногословный крепыш рубит дрова.

– Я раньше здесь жила, можно войти в дом...

– Не знаю, жены дома нет. – Крепыш продолжает рубить дрова колуном.

Калитка закрыта, Женя даже готова перескочить через забор:

– Хоть бы зайти в дом на миг...

О-о, счастье! Появляется знакомая мне с прежней встречи Наташа, сегодняшняя хозяйка бывшего нашего дома. Ее красивое лицо расплылось в улыбке: мол, чего там, заходите, заходите...

Коридор, через порог входим в дом. Налево – кухня, печь, плита, дальше – зал, спальня.

В окна стучатся ветви деревьев, словно, протягивают руки, чтобы поздороваться с нами.

Женя все ходит по половицам, которые, видимо, вспомнив ее первые детские шаги, начинают поскрипывать.

– Они, они здороваются со мной, – прикладывает руки к глазам. – О-о, Боже мой!

Начинаю ее фотографировать, и вдруг вместо цветных фотографий появляются черно-белые. А так как моя дочь похожа на бабушку, то на фотографиях я вижу свою... маму.

– Ты не уехала в Израиль или из Израиля приехала сюда и находишься здесь? Мама, мама?

Ничего не понимаю...

Выйдя на улицу, продолжаю фотографировать дальше, но на цветных фотографиях уже... Женя.

– Мистика какая-то, все... странно.

Чувствую, как дороги нам эти старые стены, которые возводили после пожара в 1969 году отец Давид и мама Ирина.

– А вот здесь малина, малина наша росла, – спешит к ней дочь.

Облака кучерявые застыли над Михалином, не каждый день сюда приезжают иностранцы.

Как когда-то раньше запрыгала перед Женей... стрекоза.

– И ты прилетела ко мне из детства? И ты? – Женя вся в дорогах ее сердцу воспоминаниях.

Подходит к месту, где когда-то стояла бабушкина скамеечка, проводит рукой над ней, словно гладит кого-то...

– Возьмите малинку из сада, – подходит к нам хозяйка дома.

Если бы ты знала, красавица Наташа, какое у тебя золотое сердце? Какой необычный подарок нам приготовила?

Мы привезли эту банку в Израиль и, поставив ее на стол, позвонили всем родным.

Мол, приходите, посидим, попьем чай-кофе.

Приходят, на столе только банка с вареньем.

– У нас тоже есть варенье, – говорит один.

– А я подумал, какие-то марципаны из Беларуси привезли?
– не понимает второй.

– Привез! – Поднимаю банку над столом. – В ней варенье из михалинского сада!

Все оторопели...

– Я помню, как мы садили эту малину, – вспоминает Яков.

– Она росла вдоль соседского забора, – продолжает Сергей.

– А мы в ней прятались с Леней, когда играли в жмурки, – басит Гриша.

Господи! Как мы ели это варенье?

Ложечками, маленькими ложечками.

Как мы его смаковали?

– Таим меод, – говорят наши внуки – очень вкусно!

Расскажи кому-нибудь, не поверят, – задумался Яков, – это не ностальгия – это из сада нашего малина!

...Прошел год, получаю от него фотографии малиновой плантации.

– Ты где?

– На Михалине!

– Как это вдруг?

– Не вдруг! Соскучился по... малине.

И как в далеком детстве, начинаю с ним игру в «сочинялки»:

– Яша, давай!
Слышу голос брата:
– *Наш бывший дом стоит возле дороги.*
Продолжаю я дальше:
– *Я с ним встречаюсь почти каждый год!*
Очередь за Яковом:
– *Он нам и на расстоянии поможет!*
И я завершаю:
– *Ведь там малина наша растет!*
– Класс! – слышу восхищенный голос Генриетты, его жены.
Она ведь тоже сейчас там, в малиновом Михалине!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ДОР РИШОН – ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Почему-то мне сейчас вспомнилась эта история. Думаю, не случайно!

– Ми ата бихлаль? Оле хадаш! Тахзор ле Руссия! Тахзор!⁹⁶
– твердил много лет назад маленький Рони, которого, видимо, его дедушка Семен – мой сосед по Ашдоду – невзначай обидел.

Маленький, взъерошенный, как галчонок, он наступал на него. И даже казался выше, чем был на самом деле.

– А ты кто?

– Ани? Цабар! Дор ришон! Я сабра!⁹⁷, дор ришон⁹⁸.

– Иди ко мне, сабра первого поколения.

Семен обнял своего внука, прижал его к себе.

И сразу прошла обида:

– Саба, слиха. Аль тахзор ле Русия. Тишаэр ити.⁹⁹

...Растут в Израиле цабары¹⁰⁰ – пустынные кактусы с колючками снаружи и мягкие внутри.

Такие же и родившиеся в стране – твердые снаружи и мягкие внутри не робкие евреи, а гордые израильтяне! Они постоять за себя умеют с детства. Поэтому и Рони, не простив вначале обиду, сразу же о ней же забыл...

Первое поколение? Это – королевское поколение!

С них начинается в Израиле отсчет второго, третьего, четвертого, пятого...

---

⁹⁶ Кто ты вообще такой? Новый репатриант. Возвращайся в Россию!
Возвращайся!

⁹⁷ Так называют тех, кто рожден в Израиле.

⁹⁸ Первое поколение.

⁹⁹ Дедушка, прости. Не возвращайся в Россию, оставайся со мной.

¹⁰⁰ По-русски – сабары.

Живущие здесь не преминут сообщить в разговоре из какого они дора¹⁰¹ и всегда знают из какой страны приехали их бабушки и дедушки, даже если прошло более ста лет...

А кто мы? Более миллиона людей, прибывших из стран бывшего Советского Союза? «Русим»¹⁰²? А наши внуки из первого поколения?

Кто уже сегодня взрослый Рони для его подруги Ревиталь с ее польскими и марокканскими корнями?

– «Русим»?

– Ма питъом?¹⁰³ – не соглашается Ревиталь. – Рони – израэли амити¹⁰⁴.

Кто внуки моего брата Григория, у которого один зять – йеменский еврей, а второй грузинский?

Или внуки моего друга Шимона из Киева, у которого невестка – очаровательная Рахель – еврейка из Эфиопии? Она тоже – дор ришон как и Алекс – сын Шимона, а их дочь – шоколадного цвета Николь – уже дор шени. Она кто?

– Анахну куляну исраэлим¹⁰⁵, – считает Рахель, изящная, как фарфоровая статуэтка.

У российской элиты было новое увлечение: погоня за графскими и дворянскими званиями! Те, кто их скрывали раньше, теперь восстанавливают! Те, у кого никогда не было родовитых корней, но очень хотят быть знатными графинями или на худший случай столбовыми дворянками, становятся ими за... большие деньги.

А вот «дор ришон» ни за какие деньги не купишь: нужно просто родиться в Израиле!

---

¹⁰¹ Поколения.

¹⁰² Русские.

¹⁰³ С чего бы это вдруг?

¹⁰⁴ Настоящий израильтянин.

¹⁰⁵ Мы все израильтяне.

Мы, привезшие сюда своих детей и дождавшиеся внуков, а кто и правнуков, всего лишь благодатная почва, на которой вырастают новые поколения.

По-разному можно к этому относиться: с чувством гордости или с грустью, но здесь уже ничего не изменишь.

Заново родиться никому не дано.

...В дом, который стоит на берегу Атлантического океана, вихрем ворвался юноша со средиземноморским загаром на лице.

Это был Ионатан, правнук Давида, который по программе обмена студентов приехал учиться в Америку из Израиля.

– Тогда раба, ше ата бата¹⁰⁶ в августе 1988 года, – на иврите и на русском языке ночной гость стал говорить хозяину дома, почему он решил его навестить. – Я прочел в книге о том, как все было. И мне захотелось тебя увидеть.

Миша Левин, а это был он, слушая юношу, вдруг вспомнил, как тридцать лет тому назад услышал на Михалине, что «до Луны добраться легче, чем до Израиля...».

Над нью-йоркским домом смеялась щербатая луна. Неужели она уже тогда знала, как все будет?..

Израиль, 2018 г.

---

¹⁰⁶ Спасибо большое, что ты пришел (приехал).

Лето 1990 года. До отъезда осталось всего несколько месяцев. Я расстаюсь с Настенькой- своей первой внучкой, отец – с правнучкой. В Израиле мы с ней встретимся почти через три года.

Ноябрь 1990 года. Завтра – уезжаем! Насколько тяжелым было это решение, можно увидеть по нашим лицам.

Ноябрь 1990 года. Первый день в Израиле! Аня строит планы о новой жизни. Женя думает о будущей учебе, а мама Ира, пережив Холокост и оставив свой дом в Белоруссии, даже не знает, как все опять пережить...

Ноябрь 1990 года. Мы только что перешли в съемную квартиру. У Ани от всего уже кругом идет голова. Женя готовится к поступлению в Иерусалимский университет.

Лето 1991 года. Вдали первые дома будущего жилого района «Юд-гимаель». Ашдод.

Лето 2018 года. На месте желтых песков – новые кварталы Ашдода, в которых живут репатрианты.

1992 год. Я приехал в арабский город Умм-эль-Фахм, который находится на севере страны. В нем почувствовал враждебное отношению к Израилю. За прошедшее время мало что изменилось.

Тель-Авив, начало девяностых. Мы – молодёжь, амбициозны, за плечами у каждого из нас – факультеты журналистики в бывшем Советском Союзе и... двухмесячная учеба в Израиле (я второй справа).

1993 год. «Команда» – десять арабов из Газы и мой сын Игорь, работающий вместе с ними.

Начало 90-х годов. Трое сабров первого поколения из десятков тысяч, родившихся в Израиле (слева направо): Бени, Лея, Йонатан.

Лето 2017 года, Израиль. Выросли посаженные мной деревья – выросли и мои внуки. Слева направо вместе со мной Анастасия, Ионатан, Бениамин, Лея.

Красивая девушка с библейским именем Рахель (на фото справа) – первая сабра в семье Рубинштейн. Ее дед – Гирша был тихим евреем в Климовичах. Рахель вот-вот уедет в Иерусалим на боевое дежурство.

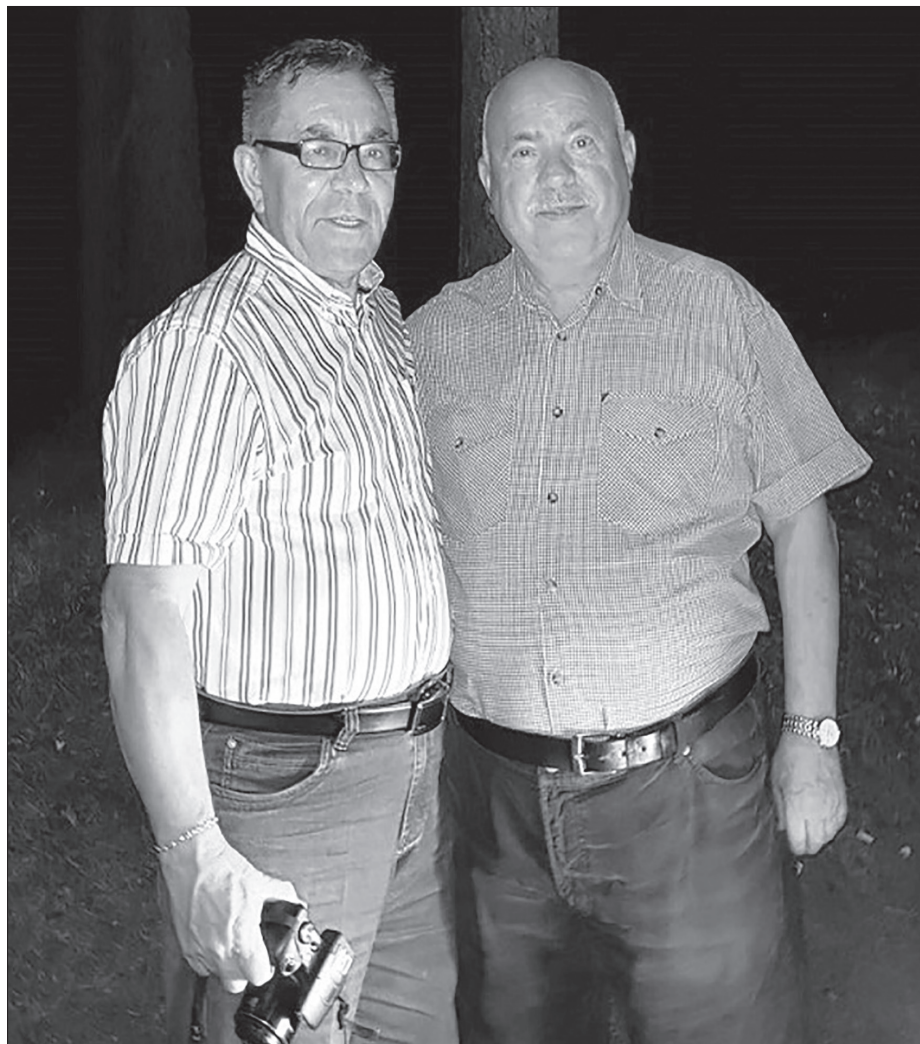
Правнук равина в Хотимске, внук директора еврейской школы в Климовичах, сын сотрудника Безр-шевского университета, Меер Лейтус, самостоятельную жизнь в Израиле начал со службы в десантных войсках.

2017 год. Беларусь. Обнявшись, сидят рядом (справа налево) израиль-
тянка Женька и белоруска Наташка, которые дружат более тридцати
лет. (К главе «В малиновом Михалине»).

Израиль, Тель-Авив, 2018 год. Посольство государства Беларусь. Мне
вручили удостоверения члена Союза писателей Беларуси и нагрудный
знак. Рядом со мной – (слева) посол Беларуси в Израиле Владимир Сквор-
цов и моя дочь Женя.

Беларусь, Минск. Летом 2017 года я встретился с человеком-легендой страны: генералом, автором более 50 художественных книг, председателем Союза писателей Беларуси Николаем Ивановичем Чергинцом (справа).

Одна из его книг – «Операция» Кровь». В ней рассказывается также о мужестве евреев Минского гетто.

Беларусь, Климовичи. Самые дорогие мои читатели. Мы долгие годы знаем друг друга.

Беларусь, Могилев. В пресс-центре областной газеты «Могилевские ведомости» вместе с ее главным редактором Светланой Шutowой.

Израиль, Ашдод, 2015 год. На презентацию первой книги «От Михалина до Иерусалима» приезжали со всей страны.

Израиль, Ашдод, 2017 год. После презентации второй книги «Молитва о Михалине» за ней выстраивались в очередь .

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Первая глава</i> За «железным занавесом»	6
<i>Вторая глава</i> Пробуждение	10

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Первая глава</i> Страна желанная, обетованная	40
<i>Вторая глава</i> Чудо или Перст Божий?	66
<i>Третья глава</i> Истории новых репатриантов из одного города	91
<i>Четвертая глава</i> Годы девяностые – непростые	120
<i>Пятая глава</i> «У нас опять война»	128
<i>Шестая глава</i> Уезжал с болью, Приезжаю с любовью!	138

Седьмая глава

«Беларусим» никого не боятся 141

Восьмая глава

В малиновом Михалине..... 143

Вместо эпилога

Дор ришон – первое поколение 148

Контактные данные автора:

Тел: (972)505384088

Сайты:

www.efimbituhim.ru

Goldentoursefim@mail.com

www.efimtours.ru

www.zlatkintours.ru

Email:

yafim31@zlatkin.biz

Дизайн обложки, компьютерная верстка,
печать и выпуск:

Издательский дом «Beit Nelly Media»

ул. а-Масгер 53, Тель-Авив, Израиль

+(972)-3-5610283, +(972)-54-4657509

www.beitnelly.com beitnelly@gmail.com